

Владимир Васильевич
МИРОНОВ

**ФАКУЛЬТЕТ
НЕСЛУЧАЙНЫХ ЛЮДЕЙ**

Москва, 2017

ББК 76
М64

Мионов В. В.

М64 Факультет неслучайных людей. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. – 134 с.

Книга, изданная к 75-летию воссоздания философского факультета в структуре Московского университета, включает интервью декана факультета, профессора, доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Владимира Васильевича Мионова ведущим российским СМИ в 2015-2016 гг.

Представляет интерес для широкого круга читателей.

© Мионов В. В., 2017
© Факультет журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017

ЧЕСТНЫЙ РАЗГОВОР ОБ ИТОГАХ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

«Правмир» продолжает серию бесед с ведущими отечественными учеными о реформе образования. Декан философского факультета МГУ, профессор, член-корреспондент РАН Владимир Миронов рассказывает о реформе Академии наук, «вылупившихся» из ЕГЭ абитуриентах и контркультурности сексуальной революции.

– Владимир Васильевич, Вы были оппонентом введения Болонской системы в России. Сейчас, когда переход на Болонскую систему в том или ином виде состоялся, как Вы оцениваете этот процесс? Есть ли тут положительные моменты и что вызывает наибольшее беспокойство?

– Только что у нас были немецкие коллеги из Гейдельберга, и мы вспоминали начало 2000-х. Тогда была эйфория по поводу происходящих процессов, все говорили о мобильности, возможности для студентов выбирать собственные траектории обучения и пр. Лет через пять после этого, находясь в кабинете декана философского факультета, я обратил внимание на гору бумаг, которые оказались различного рода бланками. Бланки должен был заполнять преподаватель. И декан оценивал уже Болонский процесс иначе, он сказал мне, что в результате всего этого в университете царствует не профессор, а инспектор.

В это же время в Карлсруэ, где университет слили с научным центром и он перестал существовать именно как университет, – я стал свидетелем демонстрации с лозунгами «Вернем фундаментальное образование!». Основу этой демонстрации

составляли студенты и школьники-гимназисты, то есть те, кому предстояло поступать в университет.

В конце концов, по многим параметрам на Западе произошел «откат», теперь Болонская система там реализуется в достаточно мягкой форме, сохраняются и традиционные формы обучения. Например, в Германии (там земельное управление, поэтому все нововведения носят не совсем одинаковый характер: каждая земля вносит свои коррективы) существуют такие программы – бакалавр, мастер, магистр. И классический магистр у них – это наш специалист. То есть как это было в России до того, как мы вошли в Болонский процесс.

Документы Болонского процесса, в принципе, предоставляют достаточно большую самостоятельность при реализации и уж, конечно, никак не связаны ни с наращиванием доли платного образования, ни с введением экзаменов, подобных ЕГЭ. Мы же стали не просто выполнять принципы «вхождения» в этот процесс, а добавили туда такую специфику, которой просто нет в большинстве стран Европы.

Это все выдумки наших министров, что ЕГЭ – мировой опыт. ЕГЭ в виде единственной формы отбора абитуриентов в вузы есть в очень немногих странах. В частности, в Египте, откуда наши министры образования его и заимствовали. В США в некоторых штатах была схожая форма оценки качества выпуска в школах, но от нее тоже отказались. Ведущие университеты никогда не шли по такому упрощенному критерию отбора абитуриентов. И даже если где-то присутствует подобный экзамен, то он обязательно дополняется еще какими-то формами испытаний.

Думаю, не случайно, в том числе и благодаря жесткой позиции руководства Московского университета, в Санкт-Петербургском университете и еще ряде других позже были введены дополнительные профильные экзамены. И понятно почему! Без этого вообще невозможно обеспечить мотивацию выбора специальности. Когда все решает набор баллов, процесс приобретает стихийный и непредсказуемый характер.

В этом контексте можно отметить еще и проблему платного образования. Нам в процессе реформ очень долго преподноси-

ли это чуть ли не как основной тренд развития мирового образования. Но это было, мягко говоря, неточностью. В тот период платного образования не было в Скандинавии, в Финляндии его до сих пор нет – это закреплено конституцией и рассматривается как достижение государства. В Швеции платное образование ввели весьма недавно и таким образом, что сумма платы не превышает 1000 евро, при этом государство компенсирует проживание в общежитии и т. д. В Германии начали вводить, но лишь в некоторых землях.

Около двух лет назад под давлением населения последние две земли Германии – Бавария и Баден-Вюртемберг – полностью отказались от платного образования. И это мгновенно дало результат: во всем мире резко повысился интерес к немецкому языку, который до этого так же резко упал. Даже у нас на факультете возросло количество студентов, которые стали факультативным образом изучать немецкий язык. Вот вам пример стратегически правильного решения, которое обязательно позже даст и финансовый эффект за счет привлечения специалистов из других стран. Согласитесь, есть о чем задуматься, ведь у нас именно высокая цена обучения, особенно в мегаполисах, уже привела к резкому сокращению количества иностранных студентов. А опустить порог оплаты вузы не могут: «стоимость» бюджетного студента высока, и ниже ее плата за образование быть не может.

Кстати, о проблеме языка. Язык – системообразующая часть национальной культуры. Тенденция все переводить на английский язык не безобидна, даже когда прикрываются тем, что это язык научного общения. Нам говорят, что если мы будем издавать статьи на английском языке, то их будут больше цитировать, и это станет критерием эффективности работы ученого и преподавателя. Но ведь это просто глупость. Тогда проще запретить в своей стране говорить по-русски – и лет через двадцать гарантированно цитирование будет выше.

Схожие процессы есть и в других странах, но там опять же ученые, особенно гуманитарии, протестуют. Гуманитарная наука, по определению, исследует человека в том или ином аспекте, – человека

говорящего, и говорящего в том числе на своем языке. Именно это и обеспечивает диалог культур – раскрытие кодов и символов другого языка. При этом иногда исторически ссылаются на введение латыни в старые времена. Так действительно было, но одновременно это породило и ряд серьезных проблем. И после этого произошел отказ от латыни и становление национальных языков, что в свою очередь дало толчок к развитию литературы, культуры в целом. вспомните, что борьба против латыни была одним из лозунгов Лютера в период Реформации.

Это не значит, что не надо учить другие языки, но это значит, что не надо разрушать национальный язык, собственную культуру, – напротив, надо это поддерживать. В Германии года три назад был скандал, когда два ведущих философских журнала заняли низкое место в рейтинге, так как не было их английских инвариантов. Причем один журнал был посвящен наследию Гегеля, другой – наследию Канта. Кант и Гегель – при чем тут английский язык? В результате было опубликовано письмо издателей философской литературы Германии с протестом против того, что на таких рейтингах основывают финансирование, тем самым разрушая собственную культуру. Кстати, это письмо было переведено у нас и опубликовано в «Вопросах философии». Было бы полезно чиновникам от образования с ним ознакомиться.

Только что у нас выступал с лекциями декан философского факультета Гейдельбергского университета и директор института философии профессор Антон Кох. Беседуя с нашей профессурой на Ученом совете, он сказал любопытную вещь. Все говорят о глобализации и английском языке как средстве интеграции, а по его мнению, именно установка на английский язык в настоящее время, неожиданно, стала фактором, мешающим интеграции, ибо сократила контакт, в том числе с учеными из России. Масса людей отдаляется, обособляется, – не в силу того, что они не знают язык (в конце концов, его можно изучить), а в силу того, что пропадает интерес к другим культурам. Надо отметить, что в Гейдельберге самая мощная немецкая школа слаистики.

– Хорошо, это некая преамбула. А что у нас сейчас в результате происходит?

– Нашего ректора Виктора Антоновича Садовнического сегодня упрекают, что он часто говорит: надо совершенствовать ЕГЭ. Но при этом как-то забыли, что в свое время именно наш ректор остался чуть ли не в одиночестве последним, выступая против ЕГЭ. Сегодня легко упрекать, когда уже приняты законы, когда в эту новую систему уже втянулись и школы, и вузы. Образно говоря, мы оказались в ЕГЭ как в бурном потоке, и сегодня наша задача – выплыть и сохранить то лучшее в образовании, что пока еще есть. Поэтому действительно ЕГЭ нужно совершенствовать. Более того, я согласен со многими новациями в этой сфере.

Однако есть одно «но». Этих мер и предложений уже так много, что можно сделать вывод: введение ЕГЭ не было необходимым шагом и, вполне вероятно, принесло гораздо больше плохого, чем хорошего. Думаю, что те деньги, которые были на него затрачены, можно было бы спокойно вложить в совершенствование традиционной системы отбора в вузы, в том числе и в той части, которая вызывала тогда наибольшие упреки, связанные с необъективностью оценок и отбора. Мне как обывателю не очень понятно, зачем вкладывать кучу денег, а потом переделывать и доделывать?

Приведу в пример и другие сюжеты, которые отражают наши реформы.

Первый пример. Грустный. Говорят о необходимости знать язык, а в рамках ЕГЭ сдают его таким образом, что знать его хорошо вовсе не обязательно. Сейчас предлагают какую-то дикую форму типа записи ответа на диктофон с последующим прослушиванием комиссией. Якобы это гарантирует защиту от коррупции. Но ведь язык предполагает общение, глаза в глаза, здесь нужно слышать и слушать и видеть говорящего. И тогда это превращается в обычный экзамен, чего допустить нельзя. Я уж не говорю, что возможных коррупционных составляющих при записи и расшифровке гораздо больше.

Пример второй. Смешной. В первый год приема было объявлено о льготах по медицинским справкам, которые предо-

ставляет сам абитуриент. Проверять их подлинность должен был сам вуз, что сделать нереально. Я в свое время предупредил, что к началу приема страна заболит почти полностью. Так и произошло. Количество справок и претендующих на льготы было так велико, что между ними пришлось организовывать свой конкурс. Потом все это упорядочили. Но ведь кто-то ввел эту систему изначально. Спрашивается, о чем думали?

Пример третий. Гендерный. Вдруг обнаружилось, что стало гораздо больше девушек-студентов. Но ведь ЕГЭ так устроен, что набор осуществляется по результатам тестирования. А девушки и лучше учатся в школе, и лучше сдают экзамены. А значит, у них возможность выбирать лучшие вузы. В этом, естественно, нет ничего плохого, но думать-то об этом тоже надо было заранее.

Пример четвертый. Социальный. Один из тезисов: ЕГЭ расширит возможность притока иногородних студентов, которые раньше не могли поступить в Москве. Во-первых, например, в МГУ (говорю это как бывший проректор по академической политике) всегда доля иногородних была очень высокой, в районе 60%, и она не намного увеличилась с введением ЕГЭ. Ведь еще есть и всегда был фактор достаточно дорогого проживания в Москве.

Во-вторых, у нас большая страна с разными традициями качества преподавания в разных регионах. Это вещь объективная. Я даже здесь не имею в виду возможную коррупцию, просто преподают по-разному, а значит, и оценки, которые математически выглядят одинаковыми, отражают разные уровни освоения знаний. Посмотрите результаты ЕГЭ по русскому языку. Самые слабые показатели много лет были в Москве, Петербурге и... Чечне, за счет жесткой и правильной позиции Рамзана Кадырова, который взял процесс под свой контроль в тот момент, когда результаты стали резко улучшаться.

Стоит задуматься: а действительно ли с введением ЕГЭ была открыта дорога для лучших и наиболее сильных абитуриентов?.. Более того, это привело к своеобразным миграционным потокам в ту же Москву. Ведь люди сюда приезжали, оканчива-

ли престижный вуз, получали престижное образование и... не уезжали из Москвы. Работы по специальности, естественно, не хватало, и они оседали в офисах, причем на хороших зарплатах. Не это ли стало источником того самого «офисного планктона» в переполненных офисах Москвы?

А ведь многих подобных следствий можно было бы избежать, если действительно все это обсуждать заранее экспертным образом. Но был проведен весьма не чистый эксперимент по введению ЕГЭ, в котором участвовало три региона и немногие вузы, причем среди них ни одного ведущего, и на основании этого было принято решение относительно всей системы образования. Понятно, что включение сюда ведущих вузов кардинальным образом изменило бы результаты эксперимента. Впрочем, обо всем этом я уже и писал, и говорил неоднократно.

Наконец, в результате реформ образование перестало выполнять свою важнейшую функцию – быть социальным лифтом. Старая система образования дифференцировала потоки школьников. Кто-то учился лучше, кто-то хуже. Кто-то кончал школу в восьмом классе и шел в ПТУ, получая еще и профессиональное образование. Кто-то, проучившись в школе, поступал в техникум и там получал техническое образование, затем мог осознанно и мотивированно продолжать образование в вузе. Кто-то не очень хорошо учился в школе (как, например, я в силу определенных обстоятельств), но потом одумался, захотел учиться, поступил в университет, поработав на производстве, послужив в армии, и реализовал себя.

Сегодня такой дифференциации нет, просто все хотят поступать в вузы. Желающие составляют более 92% по стране. А, например, в Германии таковых только 30%, это те, кто получил абитуру, то есть окончил гимназию. Остальные по схожей нашей прежней схеме оканчивали реальную или общую школу и получали профессиональное образование.

Наш президент Владимир Путин, который получал образование в советские времена, после последнего вступления в должность очень правильно отметил, что, например, человек, прослуживший в армии, должен получать некий сертифи-

кат, дающий ему право поступать без экзаменов в любой вуз. И это действительно должен быть, как мне кажется, именно *любой* вуз. Ибо государство здесь не проиграет. Если человек будет плохо учиться – его отчислят, а если хорошо – то тем лучше и человеку, и государству.

Нынешнее образование сфокусировано на молодых выпускниках школ и только. А человек, который надумает поступать в более позднем возрасте, в том числе после армии, просто в большинстве случаев не сможет этого осуществить. И, по моему, идея президента так и не реализована. А ведь это еще бы решало и некоторые проблемы социальной дифференциации. Например, человек после школы понимает, что вряд ли он сможет выдержать конкурс на бюджет, а на платное образование денег нет. Он мог бы пойти в армию и таким образом после нее попасть в вуз. Одновременно тем самым повысился бы и сам статус службы в армии, и образование стало бы действительно социальным лифтом.

В этом случае, думаю, правомерно было бы определить, что бюджетное образование как право должно предоставляться человеку лишь один раз. Учится плохо – будет отчислен и сможет учиться лишь на платной форме. Тем самым освободит бюджетное место для хорошо учащихся на платной форме. Тогда громкие заявления, прозвучавшие в свое время, о возможности перехода с платного на бесплатное образование, не были бы столь нереализуемыми. А сейчас они малореализуемы, ибо для этого должны быть вакантные места.

Еще одна актуальная проблема – уровень подготовки нормативных документов. Такое ощущение, что их никто из специалистов не читает. Например, новый закон об образовании фактически допускает, что человек одновременно может обучаться на бюджетном месте в двух местах: аспирантуре и магистратуре. То есть получать две стипендии. А ведь стипендия – это фактически государственное пособие, образовательная пенсия. Я даже не говорю, что не очень понятно, как можно обучаться качественно, одновременно присутствуя на лекциях в двух образовательных структурах. Это провоцирует нарушения и иного

рода. Например, человек может иметь два места в общежитии и одно сдавать, компенсируя уровень стипендии. Ну и так далее, я мог бы без конца множить эти примеры.

– Но одновременно же, наверное, невозможно учиться?

– Если вы физик или биолог – да, а у гуманитариев мы уже знаем случаи, когда люди одновременно являются магистрами у нас и аспирантами на другом факультете. И там, и там на дневном. Официальное разъяснение юристов – да, закон это не запрещает. Конечно, это просто-напросто непродуманность закона.

Ну и, наконец, совершенно убийственное продолжение реформы: аспирантура стала образовательным уровнем. И так люди защищались недостаточно, а сегодня аспирантура вообще не предусматривает защиту диссертаций. Она дает некий сертификат, который является основанием для защиты. Причем это опять вывернутый наизнанку принцип, который якобы взят из США. Но там совсем по-другому! Там аспиранту составляют индивидуальный план, и он посещает занятия, которые нужны ему по специальности для диссертации. Например, если он занимается философскими проблемами биологии, ему так и ставят: биологический факультет, философский, еще что-то. И без всяких послаблений он должен получить там оценки, что логично.

У нас аспирантура просто превратилась в образовательный уровень, и тут возникает масса коллизий. Во-первых, не готовы преподаватели. Те же самые преподаватели будут в аспирантуре читать, я надеюсь, не то же самое, но опасность такая есть. И чисто даже по-человечески: один и тот же предмет, это же надоедает! Представьте себе, бакалавриат – четыре года, плюс магистратура – два, это шесть, и еще два года (а у некоторых – четыре) аспирантуры. Девять-десять лет внутри одного факультета! Это психологическая нагрузка! Вместо того чтобы, наоборот, дать возможным аспирантам заниматься научной деятельностью и подходить очень жестко к обсуждению диссертаций, при подготовке которых люди действительно занимаются наукой, а не школярством «высшего уровня». Достаточно посмо-

треть даже в старой системе, сколько человек даже не защищается, а обсуждается после аспирантуры – не более 30%. Это еще одна проблема.

Опять буду ностальгировать. Абсолютно верно в старой системе аспирантура не относилась к обычному образованию. При разных министерствах науки и образования она относилась к уровню науки, ибо в нее поступали люди, уже имеющие диплом о высшем образовании. И всегда была отделена от образовательной структуры. Есть образование, и есть наука. Вся система была заточена на науку: научный руководитель, аспирант, имеющий диплом преподавателя, имеющий право преподавать и так далее. То есть это коллега. Коллега, который включен в работу кафедры. А сейчас он в работе кафедры физически не сможет участвовать. Я даже не знаю, какой смысл к нему сейчас прикреплять научного руководителя, для чего?

То есть мы подходим к чему? Помните, мы с вами в предыдущем интервью предсказывали, что начнут закрывать факультеты, начнут закрывать кафедры. Посмотрите, что происходит. Сплошной процесс слияний и объединений, без особого обоснования, что это будет более эффективно для науки или образования. Просто такой технологический подход. Важным становится не качество или особенности системы, а принципы управления ею. Логика такая, что хороший менеджер вытянет и образование, и науку. Что есть законы управления и надо им следовать. Но думаю, что это не так, и мы можем потерять не просто качественных специалистов, которые по тем или иным причинам уходят из системы, в том числе и по возрасту, но разрушить саму систему их подготовки, что гораздо важнее.

Вы филолог и наверняка знаете, как сегодня в стране трудно найти настоящего преподавателя латинского языка. Нужна индивидуальная работа по его подготовке. И здесь ориентация на рынок и мнение работодателя не сработает. Не нужен нынешнему работодателю преподаватель латыни, филолог-классик или историк философии. Этот тезис легко подтвердить: достаточно проанализировать коммерческие вузы. Много ли среди них открывается направлений по фундаменталь-

ной науке – биологии или физике? Нет, в основном – юристы и экономисты.

Таким образом, идет процесс массовизации образования с неизбежной потерей качества. А в образовании должно быть и то, и другое. И массовость, и элитность. Понятно, зачем эти процессы массовизации и стандартизации нужны Европе: огромные миграционные процессы, огромное количество людей на улицах, их надо занять. Занять в элитных вузах нельзя, поэтому надо образование спустить в массы. Однако остаются и иные вузы. Кембридж остался Кембриджем, Оксфорд остался Оксфордом, Гейдельберг остался Гейдельбергом. И, кстати, у нас это осознали. Ведь признание особого статуса Московского и Санкт-Петербургского университетов – это косвенное признание необходимости наличия элитных вузов с собственной системой отбора. Я бы вообще дал полную самостоятельность, я считаю, что Московскому и Петербургскому университетам надо самим формировать учебные планы, полностью не зависящие от стандартов. Стандарт – это вообще беда нашей страны.

– Что будет, если ничего не поменяется, все будет двигаться в том же направлении?

– Вот это очень сложный вопрос. Ведь, понимаете, у нас элита своих детей посылает за рубеж, они получают хорошее образование, у них хорошее медицинское обслуживание. Если мы общие процессы не приостановим, будет происходить дальнейшее размежевание, элита будет отрываться от среднего уровня образования, их дети будут знать языки, они будут хорошо разбираться в предмете, может быть, даже будут возвращаться обратно на родину и занимать соответствующие посты. Ведь первые бандитские годы прошли, да, кто-то резко и не всегда праведно стал олигархом, но мы же понимаем, что их внуки уже не будут бандитами. Они действительно могут стать высокообразованными людьми, объективно – по знаниям, по всем параметрам – занимающими высокие должности. И это расслоение будет усугубляться.

– Есть ли надежда на какое-то прозрение в этой области?

– Думаю, да, если в это будут втягиваться люди, которые тоже могут сказать свое слово, если будут создаваться нормальные экспертные сообщества и там будут высказываться и учитываться критические замечания, – все это возможно.

– Каково на сегодняшний день состояние реформы Академии наук, как Вы оцениваете сам замысел реформы и ее последствия для гуманитарных наук?

– Считаю, что реформа для Академии ничего хорошего не несет. Идея внешне красивая: давайте специалисты будут управлять собственностью, а вы, ученые, будете работать. Но мы прекрасно знаем, что кто отвечает за деньги, тот и управляет. Более того, сейчас идет некоторого рода чистка, поскольку появились ограничения по возрасту для управляющих различными подразделениями, в связи с этим происходит смена директоров институтов.

Возрастные ограничения должны быть, но при этом должна быть прозрачная процедура ухода людей с таких должностей. А главное, должна быть система подготовки людей на эти должности. Часто бывает, что мы понимаем: человек уже не в силах физически работать в должности директора, но и замен нет. Их просто не подготовили. Однако это вовсе не означает, что можно сюда привести любого менеджера, и все пойдет нормально. И в этом процессе Академия должна принимать самое активное участие!

У меня на факультете такая же проблема: есть заведующие кафедрой, которые в приличном возрасте. Они хорошие ученые, но смены себе они не подготовили, и в случае какой-то ситуации – их нечем заменить! А система сейчас выстраивается таким образом, что на директоров и заведующих фактически накладываются чисто управленческие функции, и понятно, что постепенно ученые туда перестанут идти, а будут приходиться менеджеры. Сразу мы этого не заметим, а когда заметим, то поймем, что занимаемся уже вовсе не наукой. Тем более что критерии оценки

эффективности научной работы вообще часто стоят в стороне от реальной науки.

Сегодня мы взращиваем не столько науку, сколько умение ее имитировать. Ведь в науке не всегда происходят открытия по заказу. Ученые-физики могут десять лет, с позиции обывателя или чиновника, пить чай в лаборатории, а потом вдруг сделают открытие и уж затраты на чай точно окупят. Но сегодня нам навязывают грантовую систему финансирования, в которой лучше всех сориентировался бы Остап Бендер. «Утром деньги – вечером стулья, или вечером деньги – утром стулья». В фундаментальной науке так бывает очень редко. Здесь главным должно быть бюджетное финансирование, а грантовое – лишь дополнительным источником. Иначе мы порожаем то, что называется попсой в науке.

Деньги дают чиновники. И, по сути, нас учат тому, как правильно составлять бумаги на грант, чтобы его выиграть. Реформа идет по такому пути, что субсидии может получить человек, который сможет либо напугать чиновников, либо что-то такое им пообещать, что они точно под это выделят деньги. Раньше для того, чтобы взять от государства субсидию на науку, нужна была одна бумажка, а сегодня – куча бумаг. Ну, значит, появляется техника написания бумаг, появляется техника отчета по грантам, появляется техника привлечения интереса и так далее. Это одна сторона.

Вторая сторона – внутренние заслуги Академии, от оценки которых Академию вообще отстраняют. Ну как можно принимать решения извне по всем этим системам цитирования, рейтингам? Эти бесконечные требования рейтингов цитирования, индексов Хирша, из-за которых мы, преподаватели, вместо того чтобы работать со студентом, начинаем компилировать статьи. Установили норму: у нас на факультете на одного преподавателя в год три статьи. Допустим, 150 человек, умножаем на три – 450 статей. За десять лет – 4500. Зачем? О чем? И что дальше?

Более того, доходит до смешного. Вместо того чтобы издать нормальную научную статью в двадцать страниц, мне «выгоднее» издать три по шесть, – потому что это будет считаться как

три статьи. Вы не представляете, на какие ухищрения тут идут! Например, профессор Н. берет свой учебник, а потом вводит каждую главу этого учебника как статью. Мне неудобно даже обо всем рассказывать, чтобы пример не подавать.

Любопытно, что Станислав Лем почти 50 лет назад предсказал все это в своей знаменитой «сумме технологии», где он писал, что развитие идет таким образом, что все большее влияние начинает оказывать информационный шум, формируемый количеством публикаций. Там же он отмечает, что открытия в науке часто выступают в рамках тех векторов ее развития, которые стоят в стороне от нормальной, всеми принятой науки. Поэтому часто новое в науке может цитироваться мало и не всеми признаваться, как, например, выводы работника патентного бюро Альберта Эйнштейна.

Академия, как и предсказывали, превращается в клуб, переставая выполнять экспертные функции. Точнее, она продолжает их выполнять, готовит аналитические записки – но не очень понятно, кто и как ими пользуется. Думаю, ту Академию, которая была раньше, мы, к сожалению, потеряли. По-видимому, нужны другого типа организации. Допустим, если мы перекинули науку в университеты – значит, университеты надо перестраивать каким-то образом, чтобы наука здесь развивалась. Потому что не могут люди заниматься и тем, и этим, и еще третьим.

– Действительно, раньше были либо научные сотрудники, которые меньше занимались преподаванием, но могли заниматься полевыми исследованиями, наукой. Либо просто хорошие практики, особенно в практических областях, в том же преподавании языков. А сейчас получается, что человек, который может блестяще научить языку, но он не ученый, он не исследует, – тоже поставлен в зависимость от индексов цитируемости, вместо того, чтобы заниматься студентами...

– Да, вместо того, чтобы заниматься своим любимым делом... Вы абсолютно правы. Более того, мы оба родители, и можно так поставить вопрос: куда бы Вы ребенка отдали – к человеку,

который шикарный преподаватель, но при этом у него нет ни одной научной статьи, или к человеку, у которого огромное количество статей, но он плохой преподаватель?

– Ответ очевиден.

– Очевиден вам, но не чиновнику. Педагогический труд – это труд, который требует дополнительного времени. Если мы хотим индивидуальной работы, а у меня 20 студентов, я должен найти хотя бы 20 часов для того, чтобы на каждого студента потратить по часу. И, вообще-то, регламентировать все это. А как регламентировать те часы, которые ты вырываешь из своей жизни? Вот я токарем работал: постоял у станка, ушел и – свободный человек. А сейчас я, когда ухожу с факультета, не становлюсь свободным: прихожу домой и снова работаю – дописываю статью, считаю что-то, продумываю.

Более того, нам когда-то сказали, что в обучении воспитательной функции не должно быть, а сейчас опять вводятся какие-то воспитательные функции. Но это тоже абсурд! Если вы вводите воспитание, тогда придумайте какую-то новую должность, не может же ученый, он же преподаватель, быть еще и воспитателем! Наверное, и в зарплате это должно быть предусмотрено. Мы поставлены в дурацкое положение!

Ведь как в советское время было? Например, я был начальником курса, мне разрешалось не выполнять то ли 30, то ли 50% нагрузки. И это было разумно! Причем тут выбор зависел от человека. Я не отказывался от нагрузки, мне это было интересно. А некоторые коллеги отказывались почти полностью, и к этому тоже относились нормально. Так тогда приведите хотя бы к этому, пересчитайте эти индикаторы! (*Индикаторы – специальные показатели качества образования, при помощи которых можно получить представление о текущем состоянии системы образования и информировать об этом образовательное сообщество. – Прим. ред.*)

Если человек работает со студентами, куратор группы и так далее – дайте ему возможность свободной нагрузки. Вот насколько его хватает после этой воспитательной работы, столь-

ко пусть и ведет. Но у нас же, понимаете, никогда не работает презумпция! Всегда подозревают, что мы все плохо делаем, и поэтому кто-то сверху нам рисует планы, коридорчики из индикаторов, по которым мы, как им кажется, будем прекрасно все выполнять. В университете мы пытаемся сейчас такую систему индикаторов создать. Но это трудно осуществить через формальные показатели. Как формализовать, например, то, что вы не дали студенту стать плохим человеком? А ведь мы это делаем, и все это интуитивно понимают.

В Англии уже дошли до того (я это цитировал в своей книжке «Размышления о реформе российского образования»), что ученый не просто отчитывается за грант. Чиновники просчитывают его эффективность и, если признают его неэффективным, то просят ученого вернуть деньги. Думаю (не хочется опять предсказывать), что нас еще ждет это.

– Что вообще с этой ситуацией делать, как Вы видите из нее выход и будет ли он?

– Выходы есть. Самый главный выход – это доверие к коллективам людей, которые занимаются наукой и преподаванием. Министр Ягодин (*Геннадий Алексеевич Ягодин (1927-2015) – с 1985 по 1991 год министр высшего и среднего специального образования СССР. – Прим. ред.*) в свое время принял решение, которое было простым и очень, на мой взгляд, правильным. Содержание учебных планов должно определяться учеными советами вузов и факультетов. Благодаря этому, например, у нас на факультете были самые лучшие учебные планы за все времена. Они предполагали и выбор студентами курсов, и циклы предметов, в зависимости от того, какую специализацию выбирает студент.

Что интересно (я тогда был зам. декана по учебной работе), эти планы мы создавали вместе со студентами. Это была реальная и, кстати, очень быстрая работа по совершенствованию учебного процесса. Конечно, в масштабах нашей страны так было возможно не везде, но у нас есть потенциальные возможности такого плана. Думаю, опять же, что степень свободы

для ведущих вузов и научных организаций должна быть достаточно большая, чтобы могли реализоваться инициативы снизу. И тогда сами ученые, преподаватели и студенты смогут сделать гораздо больше в сфере образования и науки.

Сегодня время такое, что людей, которые реально работают преподавателями или занимаются наукой, спрашивают в последнюю очередь (если спрашивают вообще). Считается, что сфера управления самодостаточна, и не принципиально, чем управлять, – консервным заводом, университетом или факультетом. В результате происходит подмена содержательных реформ и изменений управленческими, которые часто опираются на искусственно придуманные критерии эффективности.

– Если сейчас что-то делать в этом направлении, то какой бы могла быть современная форма правильного существования научного сообщества? Учитывая, что за последние полтора года уровень эмиграции достиг, наверное, исторической кульминации за последние лет двадцать...

– Вы знаете, эмиграция – такое дело... Да, мы говорили одно время, что ученые мигрируют из-за того, что у них нет нужных условий. Но при этом надо понимать, что если все условия будут, это не значит, что уезжать перестанут. Тем не менее это важная вещь. Если мы обеспечим, первое, научные структуры хорошей и современной аппаратурой и новейшим научным оборудованием, думаю, даже зарплата как фактор отступит на второй план. Далее – сегодня в стране не многие вузы имеют структуру, которая позволяет людям заниматься научной работой. Третье. Если мы имеем структуру, условия и ученый работает, он должен достаточно свободно общаться с научным сообществом. Тут тоже проблемы. До сих пор у нас в бюджетах фактически нет денег на командировки.

Лет восемь назад в университете мы получили для факультета большой грант по программе «образование». Нам тогда удалось командировать за рубеж в самые разные страны, в том числе в США, Германию, Англию и Францию, просто невероятное

число преподавателей и даже технических сотрудников. Это было удивительное время, как вспоминают наши профессора до сих пор, когда мы ехали за рубеж не в роли просителей при нехватке денег, а достойно, понимая, что государство нас этим обеспечило, а значит, мы нужны обществу. Но это было всего один раз.

С другой стороны, наш ректор Виктор Антонович Садовничий часто рассказывает, что в 1960-е годы ученые, в частности математики и физики, которые приезжали в университет на конференции, делали доклады на русском языке. Почему? Потому что наша наука была одной из передовых. Это очень важно, чтобы, наряду с освоением английского языка, мы не забывали о собственном русском языке, условием распространения которого, в том числе, могут стать успехи в науке.

И конечно, самая большая проблема, особенно для мегаполисов, – квартирный вопрос. Стоимость квартир запредельная, зарплата никогда ее не догонит. У молодого ученого появляется семья, дети – а вопросы остаются нерешаемыми. Есть огромное количество случаев, когда люди уходят из науки прежде всего из-за жилья. Уходят либо на большие деньги, чтобы квартиру можно было купить, либо в структуру, которая может квартирой обеспечить, либо уезжают за рубеж.

Вот буквально три-четыре пункта, которые надо продумать и каким-то образом выполнять.

– А как Вы вообще сегодня оцениваете состояние преподавательского сообщества? Уровень подготовки, уровень мотивации?..

– Я еще лет десять назад говорил, что кадровая проблема – одна из центральных и нас может ждать «кадровый коллапс». Дело не просто в естественном старении кадрового состава. Сегодня возрастной разрыв таков, что молодым студентам преподают даже не дедушки, а прадедушки. Причины понятны. Массовый уход молодых людей из образования после перестройки, многие годы низкая зарплата. И, наконец, непродуманность системы ротации, при которой пожилой профессор

мог бы спокойно перейти на должность консультанта, если он нужен факультету или вузу. А сейчас ситуация достигла такой степени, что даже если и будут профессора уходить, то порой их нечем заменить – ни по качеству, ни по статусу.

Речь не идет только о возрасте как таковом: у меня на факультете есть профессор Василий Васильевич Соколов, которому далеко за 90, но он как преподаватель даст фору многим тридцатилетним. Речь идет о системе открытости и возможности приема молодых людей и достаточности выбора тех, кто достоин работать. Я вспоминаю Гадамера (*Ганс-Георг Гадамер (1900-2002) – немецкий философ, известен как основатель «философской герменевтики».* – Прим. ред.), с которым я встречался в 1998 и 2000 году (в этот год я по поручению ректора вручал ему звание почетного профессора), он вышел на пенсию с профессорской должности, как и положено в Германии, в 65 лет. Но что значит ушел? Он потом еще почти 40 лет работал на философском факультете Гейдельберга. Ему сделали отдельный кабинет (кстати, упомянутый мною нынешний декан факультета Антон Кох теперь в нем работает), он не преподавал постоянно, но работал даже больше.

Или Хабермас (*Юрген Хабермас (род. 1929) – немецкий философ и социолог.* – Прим. ред.), который при встрече в Москве рассказывал: «Когда я стал пенсионером, у меня, учитывая, что 80% пенсия от зарплаты, плюс накопительная пенсия, денег стало больше, чем когда я работал... Плюс гонорары и так далее». Понимаете? А у нас совершенно это не продумано. Конечно, люди старшего возраста должны быть в университете. Но ведь нужны и места молодым! Вот в советское время была должность профессора-консультанта – это же логично, человек в почтенном возрасте может консультировать, может что-то рассказывать молодым преподавателям и так далее. У нас такой схемы сегодня нет.

Опять же зарплата. Это даже не следует обсуждать, но зарплата у молодых преподавателей сегодня совсем мизерная. Человек приходит и работает преподавателем при полной нагрузке, – а некоторые вузы рассматривают указание министерства

о предельных 900 часах как оптимальное. Хотя нижний порог тут не установлен, это выдумки вузов. Понятно, что вузам удобно сжимание преподавательского состава, искусственное подогревание конкуренции...

Вторая проблема диспропорций: наш преподавательский состав – это перевернутый конус. В идеале как должно быть: один профессор, потом конус расширяется, внизу пять ассистентов. Логично? Профессор возглавляет школу, отсюда и слово «ассистент» – ассистирует. А у нас наоборот: внизу один ассистент на кафедре, а наверху двенадцать профессоров. Правда, министерство ныне ввело такие драконовские меры для получения званий профессора и доцента, что вскоре, наверное, останутся одни ассистенты. И это тоже проблема, когда для профессора по новым требованиям важно большое количество публикаций, но практически никак не оценивается его труд именно как профессора-преподавателя.

И, наконец, мы снова упираемся в мысль, что ведущие вузы страны должны полностью организовывать свои экзамены. Абитуриенту нужно понимать, что если он идет в МГУ, у него должен быть определенный уровень подготовки, профильный для данного факультета. И если уж мы смирились с ЕГЭ, то именно вес профильного экзамена должен доминировать. А не так, как в этом году я наблюдал: в последний день экзамена две девочки плачут около приемной комиссии. Я спрашиваю почему. Они по баллам проходили, но в это время вывесили баллы юристов, кто-то там не прошел, схватил документы, побежал, нашел и попал. Те, мотивированные, не прошли, а этот, немотивированный, принес свои баллы по обществоведению – и все, его зачислили.

Кстати, разрушение мотивации – это одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество образования, ибо гораздо больше тратится времени на пролонгирование того, что не было получено в школе. Школа перестроилась. Она стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ.

Вы прекрасно, как филолог, знаете, что человек может на пятерку сдать ЕГЭ и неграмотно писать.

– Если говорить о нравственном и общественно-политическом состоянии профессорско-преподавательского состава, какие у Вас здесь наблюдения?

– Вопрос хороший, я лично считаю, что действительно должен быть внутренний преподавательский нравственный стержень, особенно по отношению к студентам, которые в каком-то смысле являются зависимыми от преподавателя. А для этого необходима определенная дистанция в отношениях. Дистанция не как закрытость, тем более в вопросах знания, но дистанция в форме поведения, которая позволяет сохранять требовательность, объективность.

Практика показывает, что в конечном счете уважением пользуется знающий преподаватель, даже если он излишне строг и соблюдает дистанцию «профессор-студент», а не тип преподавателя, который панибратски похлопывает по плечу и готов вместе со студентом регулярно пиво выпивать. Конечно, возможно и общение вне занятий, но внутренняя дистанция должна сохраняться.

В Гейдельберге я часто видел объявления, когда профессор устраивает прием зачета, например, по классической филологии – в пиццерии. Это старая традиция. Студент, как правило, беден, и его стоит подкормить. В этом нет панибратства. А вот разрушение дистанции, на которое идут некоторые преподаватели, думая, что таким образом они будут популярны, – чаще всего это компенсация своей недостаточной профессиональной подготовки. Студенты быстро «раскусывают» такого преподавателя и, что вполне естественно, пользуются этим.

На самом деле студенты ценят дисциплину преподавателя и требовательность к ним, хотя это может им и не очень легко даваться. Процесс обучения, как и в целом процесс приобщения к культуре, всегда строится на определенной системе запретов. Я, например, запрещаю студентам на лекции пользоваться телефонами, смартфонами и обязательно сделаю замечание, вплоть

до просьбы покинуть аудиторию, если это вдруг происходит. То же самое касается опозданий.

По поводу нравственности и поведения студентов. У нас противоречивая страна. В советские годы нам предписывали выполнение воспитательной функции. В этом было много плохого, но было много и хорошего. Я сам работал начальником курса, и студенты могли иногда ко мне подойти с какой-то проблемой, признаться в том, в чем они не признались бы ни родителям, ни друзьям. Иногда приходилось выступать своеобразным посредником между администрацией и студентами. Затем произошло отрицание официальной идеологии, и воспитательная функция тоже попала под данный разряд. А когда вдруг осознали, что она все-таки должна быть у вуза, традиции оказались утраченными, и преподаватели, которые могли бы этим заниматься с душой, перевелись.

Сегодня надо как-то определиться с этим, в том числе и на уровне государства. В той же Германии – ты сошел со ступенек университета и делай что хочешь, дальше работают законы. Наркотики употребляешь? Есть законы. Разделся, голым пошел? Есть законы. Это касается и преподавателей, и студентов. Трудно себе представить, что декан или ректор будет отвечать за то, что студент совершил тот или иной поступок вне стен университета.

Формально у нас вроде бы тоже так, а в реальности руководитель часто отвечает буквально за все. И, кстати говоря, это иногда отнимает времени и нервов намного больше, чем профессиональные и административные обязанности. Если же мы должны нести ответственность за воспитание студентов, то государство должно иметь систему поощрения за данную работу. Количество статей или нагрузка являются критериями аттестации преподавателей, а вот как оценить коллегу, который самого себя буквально отдает студентам? Не очень понятно.

– Но не будешь же за каждым ходить круглосуточно, а потом ругать на лекции?

– Конечно, воспитательная функция должна присутствовать, но незримо. Мы как гуманитарии понимаем, что не надо

говорить человеку: «Будь хорошим, не делай плохо». Система запретов тут не работает. С этой точки зрения, первый, кого надо было бы запретить, – это Шекспир. Чего у него только нет: и кровосмешение, и убийства, и ранние любовные отношения. Мы ведь помним, сколько лет было Джульетте. В «Московском комсомольце» это могло бы оказаться в хронике происшествий.

Но мы же не запрещаем Шекспира! И тут я скажу совершенно банальную вещь: культура в целом – это лучшее средство воспитания. Я вот учился в Раменках, и нас каждую неделю водили в театры. Так мы там тосковали, нам в футбол хотелось поиграть! А теперь мы понимаем смысл этих походов...

Я вообще считаю, что культура требует элемента насилия. Она не дается легко. Для того чтобы слушать Баха, вы должны хотя бы привыкнуть к классической музыке. Для того чтобы слушать оперу, вы должны посетить хотя бы несколько раз театр. А современная ситуация еще и обостряет проблему в разы. Попробуйте сегодня оторвать геймера от компьютера и утащить в театр. И это, кстати, снова не берется в расчет. Нам снова говорят сверху: надо вернуть воспитание в обучение, надо то-то, надо то-то. Почему считается, что чиновник лучше знает, как кого воспитывать?!

– Как Вы оцениваете сейчас влияние ИГИЛ (террористической организации, запрещенной законодательством Российской Федерации)?

– Ну, во-первых, это общемировая проблема – причем проблема-следствие той мультикультурной ситуации, которую в свое время пропагандировали в Европе. Кстати, почему я был противником введения теологии в вузах? Я сразу сказал, что проиграет от этого, прежде всего, православие. Потому что другие религии, даже внутри христианства, например протестантизм, – более активны и поэтому более привлекательны для молодежи.

Второй аспект: молодежи всегда нравится нечто запретное. Ведь террористические организации разных типов всегда существовали, и в них тоже всегда вступала молодежь, это исто-

рическая данность. Третье – государство хоть немного должно смотреть, какие книги продаются, что-то надо, возможно, и запретить. Простейший пример: после перестройки везде стала продаваться Библия, рядом лежал «Молот ведьм», а рядом еще – «Mein Kampf». Вот свобода, берите все. Ну и что? Открываешь Библию – ее читать скучно, надо искать все эти потайные смыслы. Вот люди и выбрали.

В культуре, прежде всего классической, всегда присутствует, как писал один из лучших наших культурологов Георгий Степанович Кнабе, культурная дихотомия «прикровенность-откровенность». Это своеобразная культурная оппозиция: нечто запрещается к прямой демонстрации, а нечто разрешается. Всегда есть нечто закрытое и есть нечто открытое.

Первое, что тут лежит на поверхности, – это отношения между мужчиной и женщиной. Понятно, что в них ничего нового от «Камасутры» не добавлено, но никогда «Камасутру» где-нибудь, скажем, в средние века не читали вслух. Это относилось к области прикрытого. А сегодня по телевизору, и ребенку в том числе, можно увидеть то, что вообще недопустимо.

Как шло воспитание в классической культуре? Было несколько полочек с книжками, вот эти книжки для ребенка, и плюс одна полочка такая хитрая, где подставлялись книжки уже более взрослые. И так постепенно, постепенно, постепенно человека воспитывали.

У Ролана Барта в его книжке «Мифологии» есть очень интересная статья «Стриптиз». Чем отличается классический стриптиз? Присутствующий на сцене, скажем так, объект для вас недосягаем. Вы не можете подойти и потрогать его. А вот в соседнем кафе раздевается секретарша: что-то у нее не отстегивается, чего-то не получается, каждый, в принципе, может ее потрогать. Вот принципиальная разница.

Так вот, можно не соглашаться, конечно, но Барт говорит, что первое явление имеет отношение к культуре, а второе – нет. А Юрий Михайлович Лотман, как бы полемизируя с Бартом, занимает более жесткую позицию: сексуальная революция, которая произошла в обществе, принципиально контркультурна,

потому что разрушает именно указанную культурную дихотомию. Подростку после просмотра жесткой порнографии будет весьма трудно относиться романтично к лицам противоположного пола. И это может, кстати говоря, еще и стать источником будущих преступлений на сексуальной почве.

И поэтому, когда мы говорим о случаях, возникающих сегодня, мы очень четко понимаем: да, конечно, философия может обсуждать любые темы, и никакие запреты здесь не работают, но при этом мы как преподаватели должны осознавать свою ответственность. Ведь мы можем и Ницше так преподать, что его учение возьмут на вооружение, мы можем о Шопенгауэре, который рассуждает о самоубийстве, так рассказать, что человек захочет попытаться это повторить. Так же и в случае с террористическими организациями.

– Что в целом Вы можете сказать про состояние современного студенчества? Оно отличается от предыдущих поколений?

– То, что студенты отличаются, это точно. Они меньше знают, точнее, эти знания очень неглубоки. Сейчас часто на экзамене, когда указываешь, что ответ неверен, студент мгновенно перестраивается: «Ой! Я что-то не то сказал», – и сразу говорит другое. Идет перебор легко заменяемых вариантов. Это последствия повального увлечения различного рода конкурсами эрудитов, ответов на вопросы тестов и пр. Клиповая культура, в которой все можно заменять, модифицировать, – переносится и на процесс получения знаний. Нажал кнопку поисковой системы – и даже не проверяю, а насколько ее ответ имеет отношение к истине.

Но мы, преподаватели, все же призваны не для того, чтобы говорить: «Ах, какие вы плохие». Мы призваны понять, что такое – сегодняшний студент. Да, он на первом курсе не знает точки кипения. Да, он ничего не слышал об Умберто Эко. Да, он не может ответить на вопрос, с чего начинается «Война и мир». Но это проблема не их, это проблема их школ. И поэтому вузы объективно ставятся в ситуацию пролонгирования школы. Мы вынуждены подстраиваться, дотягивать ребят.

Но у них есть и плюсы. Во-первых, нынешнее поколение лучше знает иностранные языки. И пусть тут доминирует английский, но тем не менее. Они более раскрепощены, хотя этот фактор может носить и негативную коннотацию. Они же социализированы в социальных сетях, но абсолютно не социализированы вовне. Я часто рассказываю, как года четыре назад ко мне подошла группа студентов: «Пойдемте, Владимир Васильевич, с нами флешмоб сделаем». Я говорю: «Какой?» – «Да вот мы пойдем на Кольцевой дороге поплевать на машины сверху». – «Так вас и побить могут!» – говорю.

С одной стороны, приятно, что студенты мне доверяют и пришли меня пригласить, с другой стороны, – сегодня такое тусовочное настроение, что ребят буквально бросает иногда совершенно не в ту сторону. Им часто все равно, по какому поводу тусоваться, главное – само действие. И поэтому наша задача как преподавателей попытаться находить контакт. Это очень трудно, потому что мы знаете что потеряли? Авторитет знаний. Раньше для молодого человека взрослый объективно обладал большей информацией. А сегодня молодой человек, оперируя интернетом, обладает иногда гораздо большей информацией, чем взрослый. Ситуация меняется. И сегодня вы авторитет не потому, что у вас много информации, а потому, что вы знаете, как использовать эту информацию и как ее оценивать.

Сегодня молодой человек может найти в интернете стихи Тютчева, под которыми написано «Миронов». И он даже не будет проверять. Для него это объективный результат. А мы можем хотя бы приучать: «Ребята, “Википедия” – это хорошо, но и там могут быть ошибки». Посмотрели российскую «Википедию» – сравните с немецкой, с французской, с английской – уже получите более верный результат. Нужно приучать к тому, что интернет не является структурой, которая дает лишь объективные знания, а это структура, которая под вас всегда подстраивается. Я думаю, это одна из центральных задач современного преподавателя – во-первых, хорошо разбираться в мире информации, а во-вторых – выполнять мировоззренческую коррекцию. И это труднее, чем раньше.

– Давайте поговорим о плагиате в диссертациях. Полностью списанные диссертации выявлены сообществом «Диссернет», во многих вузах стоит программа «Антиплагиат»...

– Начнем с простой вещи. Я когда-то сам на конференции участвовал в программе запуска «Антиплагиата». Но на самом деле она немного себя дискредитировала в последнее время. Во-первых, эта программа очень дорогая. Для факультета нам надо платить за нее 400 тысяч в год! Во-вторых, юридической силы «Антиплагиат» не имеет. В-третьих, у нее стала хуже подборка для сравнения. В свое время я прогнал через «Антиплагиат» «Феноменологию духа» Гегеля и получил 90% с лишним заимствований. Значит, система несовершенна во многом. И если вы себя проверите, вы, скорее всего, обнаружите тех, кто у вас списал. В-четвертых, «Антиплагиат» легко обойти – например, поставить кавычки... Есть и другие технологии, как его обходить. Я считаю, что опытный преподаватель может в индивидуальном порядке пользоваться этой программой, но это не панацея. Я, например, ищу плагиат другими достаточно эффективными способами.

В Германии пошли по другому пути. Когда вы пишете диплом или защищаете диссертацию, на втором листе диплома вы пишете приблизительно такую фразу: «Я гарантирую, что мой текст не содержит заимствований, что он не был представлен ни в какую государственную комиссию». И наказание здесь до трех лет лишения свободы! Не за плагиат как таковой, а за нарушение этой фразы, за то, что вы нарушили слово. И когда вы защищаете диссертацию, вы даете это слово устно перед всеми.

– А как Вы оцениваете ситуацию, когда на совести экспертных советов десятки таких диссертаций, в которых просто заменен один термин на другой?

– Сама процедура организации защиты не позволяет в ряде случаев обнаружить плагиат, так как диссертацию внимательно читают оппоненты и рецензент. Определенную ответственность

должен нести научный руководитель. И конечно, сама процедура непосредственной защиты, когда выступает соискатель, – должна по логике вскрыть такие недостатки.

Может быть, даже должно быть две оценки: за текст самой диссертации и за непосредственно защиту. И если на защите выявляется, что человек явно не разбирается в проблеме, даже если текст хороший, – это должно быть решающим аргументом для отказа в степени. Не случайно ведь плагиата больше обнаруживается в гуманитарных дисциплинах. Это означает, что именно диссертационные советы работают не очень качественно. А вот в экспертной комиссии это проверить почти невозможно. Более того, ситуация, на мой взгляд, даже ухудшилась. Сегодня экспертная комиссия, особенно когда рассматриваются кандидатские, фактически работает лишь с документами, а не с текстом.

Почему плагиат в основном обнаруживается в гуманитарных дисциплинах? Наверное, не пойдет человек защищать диссертацию, в которой ничего не смыслит, на мехмате: его сразу распознают во время защиты. А вот у гуманитариев это возможно.

Я не думаю, что используемые ныне технические средства могут действительно помочь, ибо они уже работают с тем, что создано, а надо создавать атмосферу, чтобы это было невозможно в принципе.

– Но незакавыченные цитаты в тексте, когда речь идет о научной степени...

– Вот ВАК для этого и существует. Есть разные методы, можно обнаружить плагиат просто самому, прочитав. У меня одна студентка, причем я был ее научный руководитель, принесла работу, я начал читать и обнаружил очень знакомую мысль. Оказалось, что это прямо списано у меня. Причем, как она мне потом доказывала, – она это списала у другого человека. А была и обратная ситуация. Человек активно публиковал свои тексты, в том числе в интернете. И вдруг выяснилось, что на основании его текстов была написана диссертация. И это не является плагиатом.

Конечно, с этим явлением нужно бороться: экспертная комиссия, моральные принципы, допуск к диссертации и, конечно, чистки. Но при этом мы должны понимать: «списывание» есть и будет, избежать этого нельзя. Это как, не знаю, пожары, как наркомания в обществе.

Кстати, есть ведь и еще более серьезное явление – когда пишут хорошие диссертации, но за другого, за деньги – целые фирмы так работают! И вот это точно должен выявлять диссертационный совет. Когда я в свое время был председателем экспертного совета, мы любого кандидата, который занимал высокий пост, например, в правительстве Москвы, – имели право вызвать и побеседовать с ним. Однажды пришел достаточно высокопоставленный человек, который написал кандидатскую диссертацию... И вот он стоял и вообще ничего нам не говорил. Мы ему задаем вопрос, а он молчит. В конце концов, я уже не выдержал и говорю: «Вы хотя бы скажите, что такое философия». И здесь он выдал. Он подумал-подумал и сказал: «Философия – это жизнь»...

– И ведь не поспоришь...

– Вот и мы так подумали. Но степень не присвоили. А вот сейчас это отменили. Вы уже не можете просто так вызвать человека, для этого существует очень сложная процедура.

И еще одна проблема. Не нужно все-таки устраивать охоту на ведьм, ибо тогда это становится средством манипуляции, независимо от поставленных целей. Нужно решить, что вот с этого момента все диссертации проходят такую-то проверку с помощью технических средств, и человек должен это соответствующим образом оформить. И не надо расширять это в глубины истории, без этого работы хватает. Понятно, что никакой председатель ВАК или экспертной комиссии не может прямо сегодня это проконтролировать, ибо работает согласно соответствующим инструкциям. Гораздо важнее поднять роль членов комиссий именно как экспертов. Не сводить фактически к количеству публикаций и процедурам, хотя это проще, а доверять экспертам.

В некоторых случаях, даже если автор имеет сотню работ, эксперты могут сделать вывод, что никакой новизны в них нет, а в ряде случаев, может быть, одной работы достаточно, чтобы присвоить степень доктора. Кроме того, сами критерии защиты, новизны и пр. тоже должны отличаться в зависимости от наук. Для меня, например, по большому счету трудно представима «новизна» в философии. Или, точнее, она будет весьма отлична от новизны диссертации по физике, написанной по результатам каких-то проведенных экспериментов. Думаю, это всем понятно, и ВАК сейчас активно реформируется. Поэтому будем надеяться на лучшее!

*Беседовала А. Данилова
Православие и мир, 2015 г.*

ДЕКАН МГУ НАЗВАЛ *FACEBOOK* ТОТАЛИТАРИЗМОМ НОВОГО ТИПА

Социальные сети – это хорошая манипуляционная среда, считает декан философского факультета Владимир Миронов.

С. КОРОЛЕВ: Всем доброго вечера, в программе сегодня Владимир Миронов, декан философского факультета МГУ. Владимир Васильевич, здравствуйте.

В. МИРОНОВ: Здравствуйтесь.

С. КОРОЛЕВ: Много вопросов к Вам, сегодня насыщенный событиями день. Наверное, больше всего было комментариев. Не само событие – оно совершилось ночью: отклонена резолюция Совбеза ООН о создании трибунала по *Boeing*, Россия наложила свое вето. Появились комментарии: «Ах, раз они не хотят суда, значит, рыльце в пушку, значит, в чем-то виноваты». Наш МИД высказался по этому поводу: «Какой суд, еще расследование не завершено». У Яценюка, как он говорит, есть план Б. Как Вы считаете, что будет дальше? Узнаем ли мы вообще когда-нибудь правду о том, что случилось в небе над Донецкой областью?

В. МИРОНОВ: Во-первых, я поддерживаю позицию, которую занимает сегодня наша власть, которая действительно не идет на компромиссы. Поскольку мы считаем, что у нас есть определенные доказательства какой-то версии. А дальше все развивается, к сожалению, по медийным конструкциям. Сегодня событием является не сам факт, даже если он был, а то, как его сконструируют. И ясно совершенно, что сконструируют его совершенно определенным образом. И понятно, что большая вероятность, что в случае проведения трибунала, если он состо-

ится без нашего участия – а так видимо и будет, – конечно, там виновник будет назван в лице нашей страны, к сожалению. Но я думаю, здесь тоже не стоит особо беспокоиться, просто надо понять, что таковы реалии. И надо просто вести политику о том, что это медийная конструкция.

С. КОРОЛЕВ: Хорошо, нам надо отвечать тем же самым? Например, уже звучат предложения: «Давайте устроим свой собственный международный трибунал, на основе БРИКС, например, или на основе международного союза, на основе других международных институций».

В. МИРОНОВ: Мне показалось, что это скорее подростковая реакция. Другое дело, что надо каким-то образом показать все те аргументы, которые звучали в течение года. Конечно, их неплохо было бы собрать и на какой-то мощной информационной площадке показать все реальные обоснования и доказательства той версии, которые мы имеем. Это должен быть не трибунал.

С. КОРОЛЕВ: Спикер Государственной Думы Сергей Нарышкин выступил сегодня с довольно громким заявлением в интервью «Известиям». Он сказал, что Третья мировая война была бы последней для человечества. Он объяснял, чем вызвано укрепление российского оборонного потенциала. И все финансовые решения, которые принимаются для того, чтобы не допустить войны, говорит Сергей Нарышкин. Но сам посыл, «Третья мировая война была бы последней для человечества», означает, что угроза действительно реальна. А может быть, мы уже не на пороге, а внутри?

В. МИРОНОВ: Во-первых, угроза, наверное, действительно существует. А главное – мы перешли в некоторый другой тип войн, который сопряжен с очень большой информативной войной по обе стороны. Ясно, что такая ситуация очень зыбкого баланса может просто на каком-то этапе привести к взрыву. Не дай Бог, конечно, чтобы это состоялось. Но я последнее время думал – и, наверное, это не очень популярно прозвучит, – само разрушение Советского Союза в свое время, как к этому ни относиться – ностальгически, плохо или хорошо. Получилось ведь, что вместо одной большой границы, куда вкладывались опреде-

ленные деньги, мы получили кучу-кучу разных границ, не очень эффективных затрат на вооружение, сами частично обеднели.

И ясно, что сегодня потенциал нашей страны хотя и поднялся за последние годы, но он является таковым, что с ним можно воевать. И, слава Богу, в последние годы правительство перешло к укреплению обороноспособности, потому что, действительно, такая вероятность есть. Я не думаю, что это война в полном масштабе, но это серьезная угроза военных вмешательств разного типа.

С. КОРОЛЕВ: Вы говорите, война нового типа – информационная. А еще какая? В культурном пространстве то, что сейчас происходит, можно назвать войной? Это война кого и с кем? Возможно, цивилизационная война или война идей.

В. МИРОНОВ: Сегодня культуры погрузились в единое медийное пространство. А законы этого медийного пространства не совсем случайны. Они часто навязаны той страной, которая сильна в технологическом отношении. Но мы понимаем, что социальные сети не мы создавали. И ясно, что доминируют там те регионы и страны, которые их создавали. Мы это пропустили на определенном этапе, можно по этому поводу кусать локти. И этот «коммуникационный мешок», в который погрузились все страны, он, при внешней большой демократичности, достаточно легко управляем. И может быть, это даже тоталитаризм нового типа. Некоторые ученые и пишут, что это новые империи, которые при внешней демократичности, при внешней возможности высказать свое мнение создают очень манипулируемую среду.

С. КОРОЛЕВ: Я попробую немного приземлить. *Facebook* – это тоталитаризм нового типа, Вы это имеете в виду?

В. МИРОНОВ: Да, я имею в виду *Facebook*. Не в прямом смысле, что там закрывают что-то и так далее. А в том смысле, что это хорошая манипуляционная среда. То есть нам кажется, что мы там свободны. Но мы знаем, что даже поисковая система *Facebook* и *Google* работают, подстраиваясь под каждого индивида. И какие здесь возможности подстраивания и направления людей в разные стороны – это безграничные вещи. Фантасты очень много об этом пишут.

С. КОРОЛЕВ: Фантасты. А есть кто-то, кто наиболее близок к реальности?

В. МИРОНОВ: Даже если вы в *AppStore* возьмете роман «Хакер» молодежный, там блестяще это описывается. Как информация становится денежным товаром не в современном даже смысле. А как начинают этим манипулировать – продавая, делая заговоры. Там описываются многие вещи, которые реально были. Такие вещи есть. Совершенно ясно, что это мощнейшая манипуляционная среда. Причем интересно то, что она внешне кажется очень социализированной – социальная сеть. А на самом деле – они в реальности не социализированы. Они социализированы этой сетью. Эта сеть их направляет, и направить может куда угодно. Мы видели и оранжевые революции, где такого рода сеть и такого рода коммуникация играла большую роль. Это новые реалии.

С. КОРОЛЕВ: Опасность, о которой Вы сейчас говорите, на государственном уровне оценивается верно?

В. МИРОНОВ: Я не знаю, кто этим занимается, спецслужбы или какие-то структуры. Я думаю, что мы определенный контроль за этим упустили. Не запреты, а в хорошем смысле контроль. И поэтому мы сейчас получаем такие нюансы, когда любое оскорбление человека, любая провокация в этой сети ставит в неудобное положение самого человека. Ему очень трудно от этого открутиться. Даже на таких не очень опасных вещах. А уж в глобальном масштабе – это безусловно.

С. КОРОЛЕВ: К другой теме обращает нас слушатель Александр Железняков: «Сожжение продуктов – это антихристианское дело». Продолжается эта история. Сегодня пресс-секретарь президента Дмитрий Песков прокомментировал, почему появился приказ об уничтожении товаров, так называемых «санкционных». «Государство обязано это пресекать. Принимать меры для того, чтобы любая контрабанда не наносила экономический ущерб», – сказал пресс-секретарь президента. Но почему не услышали? Ведь многие политики, общественные деятели высказывались за то, чтобы раздать и поделить. Бедных много. Гуманитарный конвой отправляется в Донбасс практи-

чески каждую неделю. Есть кому помочь. Зачем сжигать? Это первый вопрос. А второй вопрос – люди не уверены, что сожгут.

В. МИРОНОВ: Я начну со второго. Действительно, неизвестно, где и кто будет сжигать и где те печи. Мне тоже кажется это странным. Я понимаю в отношении наркотиков. Когда наркотики уничтожают, потому что они наркотики и будут использованы именно в таком виде. Но что касается продуктов – я бы действительно подумал. Сам факт того, что мы их реквизируем, отнимаем, наказываем того, кто их привозит, уже состоялся. И почему бы действительно не направить это в детдома хотя бы или для бедных людей. Понятно, что это очень тонкая вещь, потому что сразу упрек идет в соблюдении принципов, что вы пользуетесь нелегальным. Но я думаю, здесь можно найти компромисс – и, наверное, его найдут.

С. КОРОЛЕВ: Еще одна история, и тоже с сожжением. Это обращение «фермершы-поджигательницы» – так ее уже прозвали коллеги-журналисты. Но выясняется, что не все так просто. 19-летняя девушка, студентка, записала видеообращение к президенту, на *YouTube* выложила, в Курской области. Говорит, «кредитов не получить, фермерское хозяйство развивать невозможно. Хранить пшеницу негде, проще сжечь. Что и будет сделано, если Вы не вмешаетесь, Владимир Владимирович».

С одной стороны – сжигают санкционные продукты. С другой стороны – отчаявшиеся фермеры хотят сжигать свои поля, где урожай зерновых еще не собран.

В. МИРОНОВ: Акт отчаяния – это индивидуальный акт. И то, что такого рода вещи могут быть, – что с этим поделаешь. К сожалению, это может быть. И мы знаем, это неприятные случаи – люди могут себя и облить, и так далее. Насколько нужно все время обращаться к центральной власти? Может быть, мы сами всегда приучаем людей, когда у нас действительно иерархичность власти настолько высока, что президенту приходится чуть ли не лично решать вопросы о закупке медикаментов и подобные.

С. КОРОЛЕВ: Владимир Васильевич, но ведь здесь конкретный случай. Если правда то, что записано в этом ролике, потому

что есть сомнения. Если человек приходит получать кредит, ему государство обещает со всех голубых экранов телевизионных: импортозамещение, санкции нам нипочем, мы сейчас возродим промышленность, возродим сельское хозяйство. Мы накормим нашу страну, наш народ собственными продуктами. И вот человек воодушевленный идет получать этот льготный кредит, или субсидию, или грант на то, чтобы развить. А ему говорят: президент – там, а тут я принимаю решения, и я тебе ничего не дам. Иди гуляй.

В. МИРОНОВ: Конечно, за это надо наказывать. Вопрос в том, где и когда эти ситуации прекратятся. И, видимо, все наши предшествующие наказания подобного рода поступков настолько незначительны, что люди продолжают это делать. Да, здесь нужно очень жестко обойтись, если все это подтверждается, с теми людьми, которые, видимо, нарушают какие-то законы, не выделяют субсидии.

С. КОРОЛЕВ: Но я-то про другое. Вы начали говорить о том, что это единственный путь – видеообращение на *Youtube* к Владимиру Путину?

В. МИРОНОВ: У нас страна идеократическая, в отличие от многих стран, где действительно иерархичность власти присутствует. И, к сожалению, действительно в некоторых случаях у людей опускаются руки, и они вынуждены обращаться к президенту. Но я не говорю, что это так уж хорошо. Это говорит о том, что отсутствует механизм регулирования и отсутствуют доверенные люди, которые на местах должны заниматься своим делом. Должны быть горизонтали. Как говорил один крупный ученый: вертикали не пересекаются. Нужны горизонтальные связи, нужна местная власть, которая работает. И с нее надо спрашивать. И все эти негативные факторы должны каким-то образом концентрироваться, и по ним надо принимать жесткие меры.

С. КОРОЛЕВ: И кто должен сломить эти вертикали?

В. МИРОНОВ: Это сложный вопрос, потому что он сразу опускает нас в вопрос, как вообще конструируются эти системы власти. Как назначаются губернаторы, как губернаторы назначают

своих помощников и так далее. И мы уже видим случаи и отзыва губернаторов, и судебных дел в отношении губернаторов. И мы видим, что действительно эта форма не срабатывает. Когда-то мы отошли от выборов и видели, что свои были проблемы, когда преступники становились во главе губерний. Сейчас вроде бы назначения. Но, значит, где-то механизм проворачивается, проскальзывает, если такие власти есть.

С. КОРОЛЕВ: Назначение назначением, но сейчас уже снова губернаторов выбирают. В этом году губернаторы активно уходили в отставку, чтобы избираться заново. Переход к этой системе как-то меняет ситуацию? Потом у нас меняют думские выборы 2016 года. Половина депутатов будут одномандатниками, появляется персональная ответственность. Или нет? Или это все так, для картинки, а сработает математическое правило, когда от перемены мест слагаемых сумма не изменится?

В. МИРОНОВ: Сложный вопрос Вы задаете.

С. КОРОЛЕВ: Он есть, я его и задаю. Я могу по-другому спросить: сколько партий будет в Государственной Думе, как Вы думаете?

В. МИРОНОВ: Я считаю, та конструкция Думы, Совета Федерации, которая реализуется в нашей стране, не очень эффективна. И вообще проблема соотношения демократии и власти. В античности все крупные философы критиковали демократию. При всем при том, что всегда восхищались ею. Такая любопытная ситуация. Поэтому, я думаю, это не самая эффективная форма управления – при всех ее достижениях.

С. КОРОЛЕВ: Хорошо, тогда что нам подходит? Сегодня Жириновский был в нашем эфире, он говорит, что монархия.

В. МИРОНОВ: Я бы не назвал это монархией, я бы выстроил систему, которая адекватна нашей стране. Где действительно достаточно серьезная центральная власть.

С. КОРОЛЕВ: Какая система? Вы бы как ее назвали?

В. МИРОНОВ: Если уж брать монархический вариант, я бы назвал это конституционной монархией. Я думаю, это вещь, которая была бы вполне допустима. Другое дело: у нас сегодня были бы нелегитимные монархи. Мы же не можем монарха

избирать. По крови, наверное, сейчас мы уже не найдем никого. Поэтому я думаю, что для масштабов такой страны, как эта, это была бы довольно эффективная форма, если бы она развивалась в свое время и дошла бы до этого. Потому что демократия все-таки требует несколько другого этапа построения, другого типа гражданского общества. Но это мое мнение.

С. КОРОЛЕВ: Так Вы поподробнее расскажите, что с нашим обществом не так?

В. МИРОНОВ: У нас не функционирует система власти, отсутствуют горизонтальные связи, отсутствует система местной власти, реализуется централизованное управление часто на уровне указаний. А исполнение всех этих указаний проскальзывает. Но здесь не надо думать, что чистая монархия. Иногда в источниках рассказывают, что для того, чтобы некоторые законы дошли до отдаленных точек, Александр I вставал ночью и доставал курьера, чтобы этот приказ довели. Потому что если бы он дал его утром, он бы прошел чиновничий аппарат. Во-первых, указ модифицировался бы. Во-вторых, неизвестно, дошел бы он до того, кого нужно.

На этот вопрос трудно ответить. Должно быть сочетание. Достаточно жесткого проведения власти, указов, указов того же президента. И должна быть достаточная самостоятельность с ответственностью местных властей. Как это реализовать – серьезная проблема.

С. КОРОЛЕВ: А в какую сторону мы движемся в этом смысле сейчас?

В. МИРОНОВ: Я думаю, что у нас власть укрепляется. Централизация, как мне кажется, возрастает. Поэтому, я думаю, мы движемся в сторону достаточно жесткой модели государства.

С. КОРОЛЕВ: Что будет с Донбассом?

В. МИРОНОВ: Это большая тема, потому что это двусторонняя проблема. С одной стороны, понятно, что это большая экономическая нагрузка на нашу страну, и экономисты об этом говорят. С другой стороны, для меня как человека это все воспринимается как элемент такой. Наверное, когда все начиналось, за этим стояла Россия в виде какого-то символа, в виде надежд. И когда

мы сегодня понимаем, что Россия идет по пути: Крым действительно наш, а с остальным надо разбираться другими способами, – мне чисто по-человечески кажется, что люди оказались в ситуации предательства на индивидуальном уровне.

Я общаюсь с некоторыми нашими коллегами через тот же *Facebook*. И вчера один мне пишет, что на улице опять трупы, опять двух инвалидов убили. Эти индивидуальные факты, к которым нельзя относиться просто так. Это реальные люди. Но я не представляю, как решить эту проблему. Я представляю, какая нагрузка сейчас на нашей власти, потому что она носит тупиковый характер. Потому что такое ощущение, что вся информационная система ополчилась против страны. Она просто не видит тех реалий, на которые можно было бы обратить внимание. Хотя сейчас начались какие-то брожения.

С. КОРОЛЕВ: Вы имеете в виду французов, итальянцев?

В. МИРОНОВ: Французов, итальянцев, немцев. Я периодически бываю в Германии – совершенно сумасшедшая пропаганда.

С. КОРОЛЕВ: Вы еще не попали ни в какие «черные списки»?

В. МИРОНОВ: Не дай Бог.

С. КОРОЛЕВ: То есть Вы боитесь? Некоторые люди гордятся.

В. МИРОНОВ: Вопрос не в этом. Все-таки я отношусь к сфере образования, у нас есть хорошие контакты, у нас есть хорошие дипломы. И понятно, что ты можешь попасть в этот список как случайно, так и неслучайно.

С. КОРОЛЕВ: Почему, сейчас услышат Вас какие-нибудь украинские товарищи и скажут: «Мионов неблагонадежен. А что это он ездит по Германии?».

В. МИРОНОВ: Если так окажется – попаду. Для интереса, моя жена – гражданка Германии, живет здесь с 76-го года, недавно давала интервью: «Почему я осталась в России». Они в тысячу раз большие патриоты, чем многие.

С. КОРОЛЕВ: А почему осталась?

В. МИРОНОВ: Потому что ей нравится наша страна, ей нравятся наши люди, несмотря на все те проблемы, которые возникают и даже сегодня.

С. КОРОЛЕВ: Она стала русской за эти годы?

В. МИРОНОВ: Нет, она гражданка Германии.

С. КОРОЛЕВ: Я имею в виду по духу.

В. МИРОНОВ: Она преподает в университете, свободно владеет русским языком. И я помню, когда были все эти события, она как раз занимала позицию, которая близка и мне, и большинству нашей страны.

С. КОРОЛЕВ: Судя по сообщениям, которые пришли от слушателей, тема сжигания продуктов затронула больше всего. И не первый день уже люди откликаются, пишут. «Если решительно сжигать, перестанут нарушать, чтобы избежать потерь». «Враги народа всегда поджигают, взрывают». «Давайте, как в Великой Депрессии, сваливать еду горами и сжигать, а бегущих к еде нищих расстреливать. То есть Вы приветствуете нищету и всю связанную с ней деградацию?».

У нас еще есть белые списки, которые опубликованы Министерством культуры Украины. Это список российских и не только артистов, которым рады на Украине. Мы многих попытались обзвонить, реакция разная. Кто-то не хотел вообще с нами общаться. Кто-то с удивлением узнал, что включили в этот список. Олег Басилашвили, например, сказал, что вообще против всяких списков. Не нужно ни черных, ни белых, это только разъединяет народы. Давайте посмотрим, кто в этом списке: Лия Ахеджакова, Сергей Юрский, Валентин Гафт, Михаил Жванецкий, Михаил Ефремов, Олег Басилашвили, Земфира, Арнольд Шварценеггер. Вы удивились, да?

В. МИРОНОВ: Да, неожиданно.

С. КОРОЛЕВ: Ваше отношение после того, как эти люди включены в белый список Украины, изменилось к ним или нет?

В. МИРОНОВ: Вы же привели пример Басилашвили. Здесь же важно, знали ли люди о составлении этих списков. Но вообще, конечно, игра этими списками, белыми, черными, – это какое-то подростковое сознание. На самом деле есть ряд людей, которых Вы назвали, которые действительно потеряли в глазах людей уважение по каким-то параметрам. Может такое быть? Может. Может это измениться? Может. У нас было нечто похожее. Списков не создавали, но Вы помните, когда был кон-

фликт с Грузией, тоже произошло межевание. Кто-то оказался приехать в Россию, кто-то не хотел ехать в Грузию. Но здесь неприятно, что списки составляют не сами эти люди. Кто составляет списки, любопытно?

С. КОРОЛЕВ: Министерство культуры Украины.

В. МИРОНОВ: Это вообще фантастика. Официальный орган составляет список. Что, мы в ответ должны свой список составлять?

С. КОРОЛЕВ: У них очень много списков, я даже предложил в прямом эфире сегодня создать Министерство списков в Украине. Даже наша радиостанция входит в список нежелательных СМИ. То есть нас туда не пустят, если мы захотим туда поехать работать.

А вообще говоря, какое определение Вы бы дали современной российской интеллигенции? Кто эти люди? О чем они болеют, на что рассчитывают?

В. МИРОНОВ: Интеллигенция России еще с давних времен прожила сложную историю. И там очень много позитивного было и много негативного.

С. КОРОЛЕВ: Вот, например, Макаревич номер один в этом белом списке. Он интеллигент?

В. МИРОНОВ: Мне сложно сказать. Да, Макаревич – певец, и мы, будучи подростками, чтобы попасть на его концерт, тащили аппаратуру под видом грузчиков, слушали его песни. Но я бы отделил песни, которые создавались этим человеком, и его позицию: это разные вещи. Того, что я могу быть абсолютно безграмотным в какой-то сфере, мой академический статус не прикроет. И то, что кто-то является хорошим композитором и певцом, не может оправдать те или иные политические взгляды. Да, конечно, он имеет на них право, но тогда он должен уметь выслушать критику. И это касается другого. «Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого». Здесь нет запрета той же критики. Поэтому я спокойно отношусь. Мне не нравится нынешняя позиция, я думаю, она не очень объективна. Человек имеет на нее право, но я ее не поддерживаю.

С. КОРОЛЕВ: Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер. А Вам не кажется, что белый список – это просто перечисление «пятой колонны»?*

В. МИРОНОВ: Жириновский еще сказал, что это враги народа.

С. КОРОЛЕВ: По-разному можно назвать, можно назвать колонной, можно – красным списком. Варианты разные. Непонятен смысл этого списка. Еще раз показать? Да это и так ясно. Можно вообще сказать, что все, кто не попали в черный, оказались в белом, и наоборот. Все, кто оказались в белом, не окажутся в черном. А можно ли перемещаться? Что нужно сделать для того, чтобы из белого списка перейти в черный?

В. МИРОНОВ: Показать на концерте украинский флаг. Я предполагаю.

С. КОРОЛЕВ: Мы сейчас предположили это, и наверняка где-то это может произойти, если уже не произошло. Либо в ту, либо в другую сторону.

Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте, Евгений. Я хотел задать вопрос по поводу конституционной монархии. В Иордании правящий король – уважаемый человек, с 40-го прервалась его прямая линия, и они выбрали какого-то внучатого племянника, и эта ветвь продолжается. Вопрос даже не в том, чтобы капля крови была, а в самой идее монархии, которая объединила народ в Иордании. И там более-менее благополучная страна. И у нас не стоит ли покопаться в догмах романовской крови, выбрать достойного человека? Это было бы интересно, конституционная монархия, как в Англии, в других странах.*

С. КОРОЛЕВ: В Англии скорее декоративная монархия, не очень удачный пример.

СЛУШАТЕЛЬ: *Тем не менее, когда Олимпиада начиналась, мы видели, как королеву показывали.*

С. КОРОЛЕВ: Спасибо за Вашу точку зрения.

В. МИРОНОВ: Мы же об этом говорили, что все возможно. Вопрос в том, как это оформить это правовым образом. Если найдется возможность каким-то образом это делать, и найдутся

силы, которые будут это делать, это возможно. В Иордании я каждый год бываю. Действительно, прекрасная страна, и, кстати говоря, очень либеральная. Из стран этого типа она одна из самых либеральных.

С. КОРОЛЕВ: Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте, Артем. Я тоже не против монархии, только я боюсь, что большая часть населения уже выбрала для себя монарха.*

С. КОРОЛЕВ: А Вы выбрали для себя?

СЛУШАТЕЛЬ: *Нет, я для себя не выбрал, но многие же откровенно говорят, что давайте Владимира Владимировича. Я за монарха, я даже готов буду поискать каких-то дальних-дальних родственников, но никак не выдвижение кого-то из действующей власти. Я боюсь, что это может превратиться как раз в выдвижение кого-то из действующей власти.*

В. МИРОНОВ: Вы извините, но мы очень часто так делаем. Когда демократия нас устраивает, голосование – это нормально. Большинство проголосовало за. А когда вы приводите контрпример, вас, например, не устраивает кандидат, а за него большинство голосует, вы считаете, что это неправильно. Надо как-то договориться.

СЛУШАТЕЛЬ: *Нет, я приму, если реально я увижу, что этого человека действительно выбрало большинство, то я готов поддерживать монархию. Я даже пойду наблюдателем на выборы.*

В. МИРОНОВ: Я бы сказал другое – истина не имеет отношения к количеству. Сократа осудили демократично. И Гитлер пришел к власти демократично. Здесь очень тонкий вопрос.

СЛУШАТЕЛЬ: *Да, потому что часть населения будет слушать телевизор и сделает выбор не на основе общественной души, а просто.*

С. КОРОЛЕВ: Большинство, иными словами, иногда заблуждается.

Очень много вопросов от слушателей по поводу конституционной монархии, Вы так его обрисовали – удачный вариант политической ситуации. Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый вечер, Сергей Алексеевич. Владимир Васильевич, скажите, пожалуйста, Вы согласны с принципом, что власть должна быть едина и неделима, а деление власти на судебную, законодательную и исполнительную должно быть строго функционально? И когда в государстве нет идеологии – это хорошо или плохо?

В. МИРОНОВ: Я согласен с первой частью. А что касается идеологии, у нас действительно формально идеология запрещена, но это не значит, что ее не может быть. Здесь требуется уточнение. Идеология все равно будет. Просто она будет либо чем-то подменена, либо она будет конструироваться. Я против того, чтобы идеологию конструировали какие-то дяди и тети, которых вывозят под Москву, как раньше это было. Они пишут какой-то документ, который называется идеологией. А идеология по сути – это система взглядов, которая близка тому или иному обществу.

С. КОРОЛЕВ: Наталью Полонскую на царство выдвигают. Пошли уже кандидаты. Вопрос от Вадима: «Сойдутся ли философия и религия?»

В. МИРОНОВ: Во-первых, философия и религия достаточно близки. Куда вы отнесете Фому Аквинского, например. Это и крупнейший теолог, и философ. Просто в основании философии и религии есть разные компоненты. В основе религии лежит вера, а в основе философии – знание. Я своими словами быстро перескажу, когда Христос был распят и толпа кричала: «Сойди с креста, если ты Сын Божий, яви нам чудо». Ответ был каков, совершенно блестящий? «Это очень просто, если явится вам чудо, и вы поверите. Вы сначала поверьте, а потом, может быть, чудо явится». Вот две разные позиции. В основе вера или знание? Но то, что религия и философия часто решают общие проблемы – это факт.

С. КОРОЛЕВ: Тут много пишут о Ваших выпускниках. «Как Вы можете объяснить, что студентка Вашего факультета попыталась убежать в ИГИЛ?». А я напомню, что и Надежда Толоконникова выпускница. Или она не дошла, не получила диплом?

В. МИРОНОВ: Не получила диплом.

С. КОРОЛЕВ: Кого Вы выпускаете в свет?

В. МИРОНОВ: Во-первых, это очень интересная конструкция. Если в стране есть пожары, наркомания, убийства, то они есть везде, а значит, могут быть в любой структуре. В университете, в вузе, дома у вас, не дай Бог. Поэтому обобщать и распространять одно действие на всю систему в целом, или на факультет, или университет – это не очень корректно.

С. КОРОЛЕВ: Но люди этим пользуются, говорят: кого Вы выпускаете?

В. МИРОНОВ: Это традиционная вещь, и ясно, что я в эти дни пережил очень много, когда факультет объявляли чуть ли не источником соответствующей угрозы. И при этом как-то упускают из виду даже объективную сторону, что девушка Караулова встречалась с молодым человеком и общалась с ним за год до университета, что это просто развивалось. Развивалось на почве межличностных отношений. У нас только одно, что мы должны понимать. Что сегодня мир сталкивается с новой опасностью. И это, как вы знаете, не только в одном вузе, а было и в другом вузе, это и в стране происходит. Более того, наша страна более благополучна по сравнению с такими странами, как Франция или Германия, где это приобретает массовый характер. Надо думать, что делать.

С. КОРОЛЕВ: У нас есть ответы функциональные. Что ребята должны знать, что существуют разные религиозные концепции, в том числе экстремистские. Мы должны учить, как обходить это. Но, конечно, здесь гарантий никаких быть не может. Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер, Петр, Москва. Я недавно Вас слушаю недавно. Во-первых, я услышал «пятая колонна» и понял, что передо мной сидит достаточно образованный человек, член каких-то интересных мне наук.*

С. КОРОЛЕВ: Член-корреспондент Российской Академии наук, если Вам интересно.

СЛУШАТЕЛЬ: *Да, спасибо. Я услышал термин «пятая колонна», и он мне не очень понятен. Не могли бы Вы мне свое видение донести.*

С. КОРОЛЕВ: Подождите, мы сегодня обсуждали не пятую колонну, а белые и черные списки, которые создает Министерство культуры Украины.

СЛУШАТЕЛЬ: *Да, но у меня вопрос лично к Владимиру Васильевичу. В моем понимании, люди, которые держат в своих руках богатство, недвижимость, деньги за границей – они относятся к «пятой колонне» или нет? И второй вопрос – про санкции: поддерживаете ли Вы российские антимеры на санкции Запада?*

С. КОРОЛЕВ: Мы уже говорили про сжигание санкционных продуктов.

СЛУШАТЕЛЬ: *Да, но мой вопрос в том, поддерживаете ли Вы такие меры, или же надо создавать другие условия в нашей стране?*

В. МИРОНОВ: С санкциями очень просто. Наши санкции – это ответ на санкции других стран. Не мы начали этот процесс, и это адекватный ответ. И то, и другое, на мой взгляд, плохо. И санкции, которые введены против нас, и санкции, которые мы ввели; но наш шаг ответный. Что касается «пятой колонны» – это термин. Мы его здесь не обсуждали. Он был введен журналистами. Можно по-разному к нему относиться. Фактически это перечень людей, которые кого-то не устраивают. Вы меня можете отнести к «пятой колонне», я вас могу отнести. Это на уровне демагогии.

С. КОРОЛЕВ: Вам нравится этот термин?

В. МИРОНОВ: Не очень нравится.

С. КОРОЛЕВ: Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйтесь, меня зовут Нина. Интеллигент – это или есть, или нет. Как талант.*

С. КОРОЛЕВ: Фамилию назовете? Кто интеллигент?

СЛУШАТЕЛЬ: *У меня такой вопрос: Вы хотели бы, чтобы Вас в «белый список» занесли? И дайте нам проголосовать, куда бы мы хотели. Потому что посмотрите, что делает политика Украины – это фашизм, и люди, которые это поддерживают, такие же фашисты.*

В. МИРОНОВ: В белый список, конечно, я не хотел бы попасть.

С. КОРОЛЕВ: А в черный?

В. МИРОНОВ: А в черный – Вы спрашивали. Вообще ни в какие списки не хочется попадать.

С. КОРОЛЕВ: А у нас их только два. Если голосование устраивать, то только два номера. И кстати, хороший вопрос для голосования: в какой список Вы бы хотели попасть? В белый или черный. Мы завтра в утреннем эфире проведем такое голосование среди аудитории. Слушайте утренний эфир с 8 до 11. Этот вопрос обязательно прозвучит. И Вы узнаете, какова наша аудитория.

Вопрос от слушателя.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер. Меня очень пугает усиление власти церкви в последнее время. И хочу вашего гостя спросить, чего нам ждать в ближайшие лет 10?*

В. МИРОНОВ: Я думаю, что не так уж усиливается роль церкви. Есть определенная блокировка этого. Но поживем, посмотрим.

С. КОРОЛЕВ: А чего ждать-то?

В. МИРОНОВ: Я не вижу здесь проблемы.

С. КОРОЛЕВ: Ничего плохого?

В. МИРОНОВ: Вопрос не в том, плохо или хорошо. Например, наш факультет сотрудничает с разными церквями. Не вижу ничего плохого в этом.

С. КОРОЛЕВ: Владимир Миронов, декан философского факультета МГУ, был гостем программы. До встречи, приходите еще. Спасибо.

Русская служба новостей, 2015 г.

ФАКУЛЬТЕТ БУНТАРЕЙ

В СМИ появилась очередная информация о том, почему будущий философ Варя Караулова отправилась из России в Турцию, чтобы вступить в ряды боевиков. Дескать, «шерше ля мужчина»: мол, был у девушки поклонник в Интернете, который уговорил и ее на побег.

И все-таки: горе от ума или лав-стори?

Кто виноват, что 19-летняя москвичка Варя Караулова едва не примкнула к исламским экстремистам в Сирии? Что делать, чтобы такого с ее ровесниками больше не повторилось?

На эти два извечных, но, увы, безответных вопроса отвечает Владимир Миронов, декан философского факультета МГУ, где все еще числится и все еще не сдала летнюю сессию депортированная из Турции российская студентка.

Из главной кузницы потенциальных великих мыслителей нашей страны – философского факультета МГУ – последнее время выходят все больше оппозиционеры и бузотеры: солистка «Пусси Райот» Надежда Толоконникова, арт-группа «Война» и теперь вот – Караулова Варвара.

Но летом в коридорах философского факультета МГУ пустынно и тихо. Студентов почти нет. Они приходят точно к сдаче экзаменов. И всем уже не до того, чтобы строить версии о недавнем ЧП с исламисткой-неофиткой в этих стенах.

Вот только руководство до сих пор, наверное, думает, как сделать, чтобы больше таких скандалов не было. Или им уже не привыкать?..

– Владимир Васильевич, Вы, получается, «альма-матер» не только Вари Карауловой, но и Надежды Толокон-

никовой из «Пусси Райот», и ее мужа Петра Верзилова из скандальной арт-группы «Война»; многие, наверное, помнят их выходку с коллективным совокуплением в Зоологическом музее...

– Не в качестве самооправдания, но хочу обратить внимание, что все это происходило вне стен Московского университета, и думаю, что самим обществом на современном этапе востребованы такие «герои», и поэтому оно их порождает. Что касается Верзилова, то, на мой взгляд, это вообще пустая и конъюнктурная личность, которого я когда-то даже «попросил» со своего спецкурса.

– За что?

– Прежде всего за прогулы, которые он попытался заменить болтовней.

– Зато вскоре прославился со своей женой на весь мир. А что в медийном пространстве сейчас главное? Стать известным. Любой ценой. Поругаться с кем-нибудь, обозвать...

– Знаете, в античной Греции существовало такое понятие: «агональность». С одной стороны, это установка на то, чтобы прославиться перед своими соплеменниками, причем любыми способами, а с другой – напротив, не опозориться перед ними. Прославлялись разными способами, даже в отсутствие Интернета. Некоторые сжигали библиотеки, другие бросались в жерло вулкана Этна, третьи убивали собак, чтобы было о чем вспомнить. И они остались в памяти потомков, конечно... Но только этим. В современном же мире наиболее надежным способом прославления является тиражирование ситуации в масс-медиа. Мне кажется, вся эта вакханалия в социальных сетях в первые дни после исчезновения Вари Карауловой, с постами и перепостами, – она принесла куда больше вреда, чем пользы, в том числе и на первой стадии ее розыска. Нет смысла обсуждать конкретный поступок конкретного человека – при всех тех неприятностях, которые он означает для семьи девушки, для нее

самой. Так что говорить о Карауловой почти что и нечего – неинтересно. Но в широком контексте это может быть любопытно.

– Тогда – в широком контексте: я знаю, что в прежние времена ваш факультет был очень идеологизирован, к нему было пристальное внимание со стороны органов, КГБ, даже ЦК партии. Сейчас, судя по фамилиям студентов и их выходкам, все ровно наоборот.

– Философский факультет считался (я подчеркиваю, считался) идеологическим – его бы хотели видеть идеологизированным, но не получалось. Ибо философия – это свободное мышление. Поэтому можно оставаться свободным в рамках тоталитарного режима, так же, как быть абсолютно несвободным внутри оголтелой демократии. Да, в советские времена наши студенты читали Библию: на кафедре истории религии и атеизма она свободно стояла на полках кабинета. Задолго до открытого перевода работ Сартра мы уже изучали этого философа. Только студент философского факультета мог получить в библиотеке книги Ницше. Идеологи просчитались. Свободомыслеие стало причиной закрытия факультета почти на сто лет еще в царские времена, после известной резолюции министра просвещения князя Ширинского-Шихматова о том, что польза от философии сомнительна, а вред очевиден. При всевластии КПСС с факультета был отчислен известнейший политолог Александр Сергеевич Панарин. На нашем факультете работал и Александр Зиновьев, которого выслали в Европу как диссидента...

– Так ведь и протодиакон Кураев, который преподавал в том числе и у Вари Карауловой первые полгода на первом курсе, тоже ваш?

– Что самое любопытное, он окончил обучение по кафедре истории религии и атеизма. Кстати, очень много действующих священников учились на ней. Была, конечно, прослойка, мечтавшая работать в ЦК КПСС. В период застоя для поступления даже ввели рекомендации обкома партии. Именно в эти годы к нам пришел Валдис Пельш. Но какого-то отдельного давления со

стороны спецслужб, кроме назначения преподавателей и завкафедрой, я лично не припомню. И думаю, что я был первым деканом, который не проходил такого рода согласований.

– Кстати, по поводу Андрея Кураева: он заметил, что если бы продолжал быть преподавателем Карауловой, то, возможно, она увидела бы его в рясе и ее религиозное мировоззрение приняло бы другое направление.

– Да, и она уехала бы в Соловецкий монастырь и стала бы монахиней.

– Ну... В контексте «духовных скреп»... Скажите, а есть на факультете какое-нибудь дообразование – например, кружки углубленного изучения ислама, которые могла посещать Варя Караулова, если ее так заинтересовала эта религия, а не искать учителей-вербовщиков в Интернете?

– Объективнее, чем у нас, ислам как одну из мировых религий преподают только в Институте стран Азии и Африки МГУ, я думаю. Глубокое изучение этой религии далеко от экстремистских форм. Варя поступила на отделение культурологии, то есть слушала самый общий курс по религиоведению. Выдающейся студенткой она не была. Ее курсовая работа откровенно слабая и скопирована большей частью из Интернета. То, что сейчас происходит с высшим образованием и студентами вообще, – это последствия реформы образования, я считаю. В результате резко понизилась мотивация людей при поступлении и выборе специальности, поскольку школа перестала быть источником знаний, а стала лишь механизмом натаскивания на ЕГЭ. В результате у нас могут оказываться случайные люди. Для них столкновение с серьезными философскими текстами представляет стресс, и это касается не только религиозных трактатов, но и, например, того же Ницше, Шопенгауэра, современного экзистенциализма, рассуждающего о внутренней сущности страданий и переживаний человека. Резкое омоложение поступающих – все вчерашние школьники, чтобы успеть использовать баллы

ЕГЭ, – тоже, я считаю, большой минус. Для того чтобы идти к нам, должен быть определенный жизненный опыт.

– Первый пост Павла Караулова в Фейсбуке о дочери: «Пропал ребенок». Очень многие недоумевали: ну какой в 19 лет может быть ребенок?! И даже были версии, что Варя сбежала на войну именно из-за родительской гиперопеки.

– Это еще один сложный вопрос. С одной стороны, я когда-то в свои 19 лет служил в армии, мне было государством доверено оружие. С другой стороны, сегодняшняя массмедийная обстановка, которая реализует низменные инстинкты и репродуцирует по тем же телевизионным каналам передачи низкого качества, как мне представляется, продлевает некое подобие подросткового возраста лет этак до 50. Шум по поводу исчезновения девочки действительно поднял отец, и, наверное, с его позиции – как отца – это правильно. Но ведь Варя живет в другой семье, ее родители разведены, и вполне вероятно, что в активности родителя проявился своеобразный комплекс вины, в том числе и перед дочерью. Не думаю, что в семье девушки не знали об ее увлечениях. Не обращали внимания – допускаю.

– А разве в вузе не должны воспитывать молодежь в этом плане, возвращать, целеустремлять – разве нет? Или преподаватели просто отчитали положенные часы, а дальше хоть трава не расти?

– Это не к нам вопросы, а к государству. Со времени Советского Союза отношение к воспитанию как к неотъемлемой части коммунистической идеологии изменилось тоже. Когда-то я работал начальником курса (была даже такая должность) и ко мне мои студенты шли со всеми своими проблемами. Думаю, что по горячим следам после случившегося мы будем нечто подобное воссоздавать. Но мало стало преподавателей, сознательно и с душой готовых заниматься подобной работой. И, конечно, она требует материального или иного поощрения.

– Но никто из преподавателей не обратил внимания даже на то, что девушка стала постоянно ходить в хиджабе!

– Все очень легко произносят слово «хиджаб», часто даже не подозревая, что это на самом деле. Студентка носила закрытый платок, скажем мягко, типа хиджаба, но ее лицо было открыто. Ношение хиджаба, как и православного креста, в России не запрещено, выбор веры тоже является делом глубоко интимным. И мы не можем идти по пути запрета того или другого, пока нет соответствующих правовых регламентов.

Об агрессивных же формах религиозного ислама одна из наших выпускниц написала году эдак в 2005-м роман «Мечеть Парижской Богоматери» – это роман-предупреждение о том, с чем может столкнуться и уже сталкивается современная Европа. Конечно, в конкретном случае с Карауловой преподаватели могли бы повнимательнее отнестись к Варваре, в том числе и тонко выявить причины ее «переодевания», но, как говорится, задним числом мы все умны. Договорились до того, что чуть ли не наш факультет является органом вербовки...

– Наверное, сейчас Вы скажете, что для решения проблем ребенка должны быть родители, а факультет здесь и вовсе ни при чем.

– Так и скажу. Перед каждым 1 сентября мы встречаемся с мамами и папами, и я обязательно напоминаю им о том, что они тоже есть у своих детей и тоже несут за них ответственность. Я видел столько удивленных и недовольных глаз за эти годы, когда подписывал приказы об отчислении, и родители вдруг узнавали, что их Маша или Петя – такие замечательные! – пропустили все занятия. Кстати, та же Варвара – бюджетница, за ее обучение платит государство, и странно, что оно в таких случаях не предусматривает формы если не наказания, то хотя бы возращения части средств за время, проведенное непонятно где, вне университета и учебы.

– А Варины родители интересовались ее успехами?

– Я могу это предполагать только, так как мы с ее папой не встречались. Мой заместитель говорил с мамой Варвары.

– Почему же факультет столько молчал по поводу случившегося ЧП и не давал никаких комментариев?

– Когда мы только узнали об этом, у нас были неприятные гипотезы по поводу Варвары. Мы не хотели их озвучивать.

– Какие гипотезы?

– Самые страшные. Что Вари могло не быть в живых уже. Ясно, что любая мгновенно распространяющаяся в Сети информация, кто бы ее ни выдал, помешала бы следствию. Молчание – золото. Социальные сети при внешней якобы демократичности – достаточно тоталитарная среда, создающая нужный образ того или иного события. Это такой средневековый карнавал, в котором царствуют шуты и дураки в виде троллей. Говорю не понаслышке, ибо достаточно активен в этом плане. Как-то уехал в командировку за границу, а обо мне написали, что я попал в тюрьму в Китае. А я был в это время в Германии... К дочери, которая находилась в Москве, в это время подошел директор школы и стал сочувственно ее расспрашивать. Она позвонила – узнала, что все нормально. А представьте, что в этой информации было бы сообщено, что меня убили? Все не так безобидно.

– Кстати, года полтора назад одного вашего преподавателя, Вячеслава Дмитриева, тоже чуть не посадили, и как раз за дурацкий перепост в Интернете...

– Не просто дурацкий перепост, а перепост, адаптированный для чтения, в нем давались рецепты изготовления некоторых запрещенных веществ... Ничего хорошего в том, что он тогда совершил по недомыслию, я до сих пор не вижу.

– Но, несмотря на то что вашего сотрудника допрашивали даже из Управления «Э» по борьбе с экстремизмом, Вы его не уволили.

– Это был один из тех случаев, который и привел в итоге к закону о перепостах с огромным штрафом и уголовной ответственностью. Что я его не уволил, как мне кажется, было оправданным решением. Это мой коллега, мой бывший студент, у него четверо детей, ему 50 лет! Он тут же убрал пост и вроде бы не повторяет подобного рода действий.

– Через Интернет, получается, человек способен сломать жизнь самому себе, да и другим основательно испортить – тоже. Те же радикальные игиловцы, как мы теперь знаем, вербуют неопитов именно через виртуальную сеть.

– Мне звонили коллеги из Европы, удивлялись, что мы в России придали единичной истории такое значение, – вот для них это уже огромная беда. Сотни и тысячи молодых людей – французов, немцев, парней, девушек – бросают все блага, комфорт, близких и устремляются за страшной идеологией, искать новую цель в своей благополучной по всем показателям жизни, едут воевать в Сирию... Вот это необъяснимо! А наших соотечественников вместе с Варварой задержали на границе с Турцией всего-то 12 человек.

– Пока 12...

– Безусловно. И необходимо исследовать новейшие технологии, чтобы понимать, как вербуют новых адептов с их помощью, и это касается не только радикального ислама, но и тех же «оранжевых революций». Должны быть приняты контрмеры, в том числе и внутри самих социальных сообществ.

– То есть все-таки цензура?

– Цензура по своему значению – это контроль власти над информацией. Пока есть власть, контроль будет. Помните, как после 11 сентября в США запрещали даже исполнение некоторых песен «Битлз»? Очень легко сказать, что это антидемократично и так далее... Но, знаете, если человека пару раз ударят в подъезде по голове, он может очень быстро отказаться от свобод, которые это позволяют. А у нас демократия воспринимается как абсолютное право делать все что угодно. Напомню Канта: свобода одного кончается

там, где начинается свобода другого. Это сложная философская проблема, и даже политическая. Кроме того, необходимо учитывать культурные особенности той или иной страны и ее подготовленность к демократии, прежде чем оперировать этим понятием.

– Но если бы в Европе все было так хорошо, чего бы искала на стороне их молодежь? Чего не дает им благополучный цивилизованный мир? Почему они едут воевать к боевикам? Может быть, пытаются заполнить таким образом пустоту души? Найти себя такими радикальными методами? Вот вопрос, на который, наверное, не даст ответ ни один философ. К Вам, кстати, тоже, что необъяснимо, приходят скромные абитуриенты, а затем вдруг становятся ярыми мятежниками – та же Надежда Толокно из «Пусси Райот». Или она изначально была креативная?

– Если Вы имеете в виду Толоконникову, то никакой креативности я в ее поступках не вижу. Эта дискуссия выводит нас в плоскость современного искусства. Вместо критериев наслаждения продуктом, созданным в результате мук творчества, мы видим трактовку творчества как некоего акта, причем любого акта – пошлого, глупого, мерзкого. Достаточно заявить о том, что я, мол, вижу мир так. Дальше «творцы» запечатывают в коробочки собственные экскременты и объявляют их продуктом искусства. То, что нам часто демонстрируют, – это вовсе не креативность, а глупость и примитивность, эпатаж. Акция «Пусси» в храме Христа Спасителя никакого отношения к факультету не имела. Более того, за два месяца до случившегося Толоконникова очень честно написала заявление и от нас ушла. Думаю, что она просто не хотела доставить неприятностей факультету. Я не ищу оправдания ее поступку. Но как студентка она была достаточно сильная, проблем с ней в этом плане не было.

– А Варвару Караулову сейчас допустите к сессии? Или уже отчислили?

– Если бы это произошло лет 10 назад или 5, то я бы уже мог ее отчислить по формальным признакам. Тогда для нас был важен сам

факт – сдала или не сдала сессию. Сейчас эти правила не работают. У нее пока поставлено только два зачета. К сессии она пока не приступила. Для решения этого вопроса надо консультироваться с юристами. Формально до конца сессии она должна нам предоставить документы, оправдывающие ее отсутствие на экзаменах.

– То есть она все еще Ваша студентка?

– Все версии, что мы ее выгнали или хотим выгнать, конструируются в СМИ исходя из того, что требуется в данный момент донести до читателя. Нужен скандал – будет скандал. Такая у вас профессия. Что поделать.

– Вопрос о нашей профессии, скорее, тоже философский. А я вот слышала, что на вашем факультете проводилось целое внутреннее исследование, как влияет количество медийных студентов-звезд и скандалов с ними на рост числа абитуриентов...

– Я такого исследования не помню. Но понятно, что если к нам поступила Земфира, которая, кстати, почти два года проучилась, это привлекает выпускников. Как студентка Земфира вела себя скромно, играла в баскетбол за факультетскую команду, приезжала на лекции в старый корпус на мотороллере, сдала логику, мы даже испугались, когда она захотела по ней дальше специализироваться... Девушка умная, и песни у нее, надо сказать, философические. Думаю, продюсеры не дали ей стать дипломированным преподавателем философии. Она ведь хотела сделать перерыв в творчестве на учебу, а это для них финансовые потери.

– Как-то планируется с будущего учебного года, возможно, укреплять бдительность, чтобы такого, как с Карауловой, больше не повторилось?

– Ага. Плакаты повесим соответствующие. Не надо впадать в крайности. Прикрепить к каждому студенту надзирателя мы не сможем. Я Вам так скажу: более свободного человека, чем наш российский студент, на сегодняшний день не существует. В той же Германии, о которой мы с вами говорили, достаточно

пропустить на спецкурсе две пары – и вас допускают к сдаче экзамена только через год. Думаю, что и нам надо очень серьезно проводить экспертизы законов в сфере образования, обсуждая их с теми специалистами, которые работают со студентами. Когда я читаю новый закон, такое ощущение, что его писал человек, который никогда не преподавал в вузе...

– Но что-то все равно надо делать в смысле безопасности.

– Это одна из важнейших задач государства и соответствующих структур. Мы же можем сделать только то, что лежит в рамках наших профессиональных обязанностей. Наверное, введем дополнительные лекции по тому же религиозному экстремизму; не исключено, что будет спецкурс о том, как не стать жертвами радикальных исламских вербовщиков. Но организовывать тотальный контроль над мыслями студентов и их поступками уж точно с 1 сентября не начнем.

*Беседовала Е. Сажнева
МК, 2015 г.*

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ВОЙНЕ? ДЕКАН ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ О МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

С. КОРОЛЕВ: У микрофона Сергей Королев. Всем доброго вечера. Обычно в этой студии появляется Егор Холмогоров, но он в отпуске – отдыхает в Крыму. И мы с радостью пригласили тоже знакомого вам уже почти нашего автора. Владимир Миронов часто бывает гостем в этой студии, декан философского факультета МГУ. Здравствуйте, Владимир Васильевич!

В. МИРОНОВ: Здравствуйте, Сергей!

С. КОРОЛЕВ: Холмогоров Егор сейчас в Крыму и мы, наверно, с Крыма и начнем. Тем более что тревожные новости приходят с полуострова. Там предотвратили сразу несколько попыток – две как минимум – диверсии, об этом сегодня отчитались наши спецслужбы.

Президент Владимир Путин прокомментировал то, что произошло. Он заявил о переходе Украины к практике террора. По мнению главы государства, власти Украины перешли к террору вместо того, чтобы искать способы решения проблем на переговорах. Путин назвал попытки осуществить теракты в Крыму глупой и бессмысленной акцией. Тем не менее двое погибших. Тем не менее стреляли, тем не менее на границе той, которая с Украиной, беспокойно. К чему все это может привести и чего ждать от нынешних украинских властей, с вашей точки зрения?

В. МИРОНОВ: К сожалению, позиция украинских властей становится все более агрессивной. На самом деле подоплека этого уже была в том, что не утвердили нашего дипломата, как мы знаем, и практически это означает если не разрыв дипломатических отношений, то, по крайней мере, один шаг к тому, что

отношения эти ухудшаются. И понятно, что такие провокации, да еще и связанные с жертвами, – это уже попытка (я не думаю, что это попытка какого-то там захвата), это провокация, чтобы потом в очередной раз обвинить Россию. Я не удивлюсь, если завтра появится новость, что Россия сама спровоцировала эти вещи.

С. КОРОЛЕВ: Уже появилась новость. Они сказали, что «мы не имеем к этому отношения». Пока только так.

В. МИРОНОВ: Понятно, да. Типичная провокация. Я думаю, здесь надо занимать жесткую позицию. Насколько я знаю, Владимир Владимирович заявил, что бессмысленно уже в Минских соглашениях на сегодняшний день впрямую участвовать.

С. КОРОЛЕВ: Он говорил не про Минские соглашения. Он говорил про Нормандскую четверку, потому что, Вы знаете, в Китае будет саммит G20, и там предполагалось встретиться в Нормандском формате: Германия, Франция, Россия, Украина.

В. МИРОНОВ: Я не думаю, что в данном случае действительно он прав. Вряд ли это целесообразно в данной ситуации. Сначала нужна нормализация хотя бы простая.

С. КОРОЛЕВ: И что делать, пока идет эскалация конфликта, пока идет ухудшение отношений между странами? Вы же сами сказали, что разрыв дипотношений – следующий шаг, получается. А дальше что, война?

В. МИРОНОВ: Во-первых, дипломаты должны продолжать работать. И наверняка эти работы продолжаются.

С. КОРОЛЕВ: Можно подумать, что с Зурабовым они работали. Не слышно, не видно. Тише воды, ниже травы.

В. МИРОНОВ: Это проблема, вопросов много возникает и к дипломатам. И к тем, которые были, и к тем, которые сейчас работают. А с точки зрения управления ситуацией – есть войска, есть необходимость обороняться, есть необходимость не допускать такого рода вмешательств. Это как бы плохо прозвучит, но это такая стандартная ситуация. Стандартная ситуация в том векторе развития, в котором оказалась Украина и Россия.

С. КОРОЛЕВ: Вроде XXI век на дворе.

В. МИРОНОВ: Страшно.

С. КОРОЛЕВ: Дело не в том, что страшно, а все те же болячки, и все те же способы их решения, и все те же тупики, в которые приходят политики. Это дело в самой политике, это дело в конкретных людях или в конкретных режимах, которые установились там – в соседних с нами странах, к примеру. В чем проблема?

В. МИРОНОВ: Я думаю, во-первых, это говорит о качестве политиков. По-моему, в прошлый раз даже у вас фразу об этом сказали – фразу Вишневого, очень хорошую, что исчезли государственные деятели, остались политики. Это такие менеджеры от политики, которые решают сиюминутные проблемы. Причем решают достаточно примитивно, не учитывая всех побочных следствий, которые здесь возможны. Это действительно проблема.

С. КОРОЛЕВ: «Может, это задание от Госдепа верхушки Украины – затянуть Россию в полномасштабную войну?» – вопрошает слушатель. Кстати, если опираться на новости, то действительно совпало с резонансным заявлением, хотя и не официального лица, но тем не менее экс-, такого мощного чиновника, бывшего представителя Пентагона, который призвал убивать русских. Правда, речь шла о Ближнем Востоке. Майкл Морелл говорит, что Иран поставлял оружие шиитским боевикам в Ираке, из-за этого гибли американские солдаты, поэтому нам, говорит, нужно помогать сирийским повстанцам. Он касался ситуации в Сирии. Имеются в виду боевики всевозможных террористических организаций, соответственно, потому что мы их так считаем. А он говорит, нам нужно помогать, чтобы Россия заплатила ту же цену. Ту же цену – какую, получается?

В. МИРОНОВ: Мы же перед этим тоже слышали высказывание высокопоставленных людей о том, что и ядерную бомбу готовы на Россию сбросить.

С. КОРОЛЕВ: Мы возвращаемся к вопросу о третьей мировой.

В. МИРОНОВ: Да, совершенно точно. Мы вступили в фазу очень жесткой конфронтации вплоть до принятия самых неприятных решений.

С. КОРОЛЕВ: Что может быть спусковым крючком к этой войне?

В. МИРОНОВ: Жертвы.

С. КОРОЛЕВ: Двое наших погибли сейчас в ходе этих провокаций на границе с Крымом.

В. МИРОНОВ: Трудно измерять, каждый человек – ценность. Трудно измерять количество, но понятно, что здесь определенная ситуация, если количество этих жертв будет достаточно большим, не дай Бог, то, безусловно, это может привести к конфронтации.

С. КОРОЛЕВ: Насколько мы далеко от нее сейчас, с Вашей точки зрения?

В. МИРОНОВ: В данном случае мы с вами являемся наблюдателями, исходим только из того, что мы читаем и знаем, из того, что публикуется.

С. КОРОЛЕВ: А Вы видите, что идет наступление по всем фронтам? Извините за общие фразы, которые я сейчас говорю. Но вот Олимпиада, где нас освистывают, где нас мешают с дерьмом, извините, где полностью понятие спортивного поведения ушло в прошлое и где доводят до слез нашу Юлию Ефимову. И вопреки всему этому – ура, пятое место сейчас по неофициальному медальному зачету. Это что?

В. МИРОНОВ: Это тоже следствие политики. Она пронизывает все, и опять, мы уже тоже об этом говорили, и сегодня это обсуждают, что политика такого типа льет на мозги людей определенную информацию. Я не думаю, что те спортсмены, которые выступают против наших, обвиняют в чем-то, что они внутренне в этом убеждены, но они получили очень серьезную обработку по отношению к России.

С. КОРОЛЕВ: Фелпс, который на кокаине сидел, теперь говорит, как у него сердце болит из-за того, что Ефимова под допингом, которого нет.

В. МИРОНОВ: Да, он бедный. В советское время смеялись, был такой учебник исторического материализма. И мы смеялись уже тогда, что в рамках политики даже рыболовное общество носит политический характер. Сегодня мы видим, что надо было

не смеяться, а мы действительно видим, как политика вмешивается на всех уровнях, заставляет действовать даже индивидов под влиянием каких-то идеологических штампов.

С. КОРОЛЕВ: Вот, смотрите, слушатель пишет: «Нам, русским, надо снять яйца с гвоздя на стене. Если бы на месте РФ были США, там давно режим на Украине объявили бы террористами и уже давно бомбили бы Киев, а Порошенко повесили бы». Это чересчур?

В. МИРОНОВ: Я думаю, это чересчур, потому что тут надо все-таки взвешивать.

С. КОРОЛЕВ: А почему?

В. МИРОНОВ: Тут элементарный расчет. Если мы говорим только об Украине, это одна ситуация, но если за этим стоят более серьезные силы, все-таки, понимаете, Россия сегодня – это даже не Советский Союз. И в этом смысле при всей нашей успешности.

С. КОРОЛЕВ: А кто мы сегодня?

В. МИРОНОВ: Мы сегодня страна. Страна, которая достаточно сильная, проявила свою мощь в том числе в вооружении, но мы, конечно, объективно просто по затратам на это уступаем.

С. КОРОЛЕВ: Региональная держава – так нас называют. Есть сверхдержава. Вот сверхдержава – это Китай?

В. МИРОНОВ: К сожалению, да.

С. КОРОЛЕВ: А почему – к сожалению?

В. МИРОНОВ: Потому что хочется быть сверхдержавой.

С. КОРОЛЕВ: Смотрите, Китай – сверхдержава, США – сверхдержава, да?

В. МИРОНОВ: Я думаю, Китай и США на сегодня сверхдержавы, их две.

С. КОРОЛЕВ: А региональных кого бы Вы перечислили, кроме нас?

В. МИРОНОВ: Региональная – это европейские страны, Франция, Германия.

С. КОРОЛЕВ: Как их можно назвать державами, если они полностью зависимы? Или я ошибаюсь?

В. МИРОНОВ: Нет, они зависят, конечно, но тем не менее они свою политику все-таки проводят. Помните, перед этим

года за два и французы, и немцы все-таки заняли свою позицию в противовес американцам. Поэтому свои какие-то интересы до определенной стадии они проводят. Поэтому их можно отнести к державам.

С. КОРОЛЕВ: «США выгодна любая война не на их территории, поэтому они всеми правдами и неправдами хотят раскрутить войну, будь то Украина, Сирия, Йемен и так далее, – пишет слушатель, – причем желательно, чтоб одна из сторон была Россия, ослабить нас хотят», – предполагает наш слушатель.

С. КОРОЛЕВ: Итак, Владимир Васильевич, рубрика «Счастливый звонок». Здравствуйте. Как Вас зовут?

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте. Меня зовут Валерий. А Вам не кажется, что это просто игра на нервах по отношению к России? То есть провокацию хотят сделать или унижить, скажем так.*

С. КОРОЛЕВ: Вы про диверсии?

СЛУШАТЕЛЬ: *Да, про диверсии. Именно не что-то, а именно, как с Олимпиадой, чтоб потеряла лицо Россия.*

С. КОРОЛЕВ: А как мы потеряли лицо в этой ситуации?

СЛУШАТЕЛЬ: *Унижить просто. Мы не ведемся на это.*

С. КОРОЛЕВ: Хорошо. Как Вам такая трактовка, Владимир Васильевич?

В. МИРОНОВ: Это банальная вещь. Ясно, что будут провокации такого рода, к сожалению, они, наверно, будут продолжаться. Наверно, есть точка кипения, до чего-то можно терпеть, а с какого-то момента терпение прекращается.

С. КОРОЛЕВ: Если Путин прав (а судя по тому, как он характеризует, это по-другому не назовешь), то есть Украина переходит к практике террора, если все действительно так, как сообщает нам Федеральная служба безопасности, то как можно разговаривать с террористом? Нужно ли вообще разговаривать с террористом? А если не разговаривать? Хорошо, Украина, ее спецслужбы затеяли эти неудавшиеся диверсии, но тем не менее наши люди погибли, двое силовиков погибли. Как нам дальше выстраивать отношения, которые и так подгажены? Вы сами заметили, что дипломатические переговоры снижены

на уровень, посла нет. В Донбассе тоже убивают и тоже стреляют, а теперь еще и на границе с Крымом.

В. МИРОНОВ: Ответ простой: «Террориста надо уничтожать».

Проблема заключается в том, где и на какой стадии?

С. КОРОЛЕВ: А если террорист – государство, власть киевская, что тогда?

В. МИРОНОВ: Если террорист – государство, он работает, мы должны – и, я думаю, службы работают по этому вопросу – мы должны опережать события. То, что сама провокация состоялась, – это тоже ведь, по-видимому, определенные слабости наши. Мы, значит, не смогли предугадать эту провокацию. И я думаю, задача спецслужб и соответствующих органов просто сейчас предугадывать эти провокации, потому что если действительно такого рода провокации с гибелью людей будут продолжаться, тогда мы должны будем как-то жестко ответить государству, которое называется Украиной.

С. КОРОЛЕВ: Александр пишет: «Как можно спокойно рассуждать о мировой войне, забывая при этом о миллионах человеческих жизней, реках крови, полностью разрушенных городах?»

В. МИРОНОВ: Это эмоции. Мы рассуждаем, и никто из нас войны не хочет. Мы просто говорим о том, что, к сожалению, ситуация складывается таким образом, что ожидать можно всего. Мы сами боимся произносить эти слова, но факт остается фактом. Провокация действительно серьезная.

С. КОРОЛЕВ: «Меня как-то смущает очень уж скудная информация о якобы терактах в Крыму, сколько человек задержаны, сколько убиты, кто собственно, они такие?». Обо всем этом сообщалось. Насколько я понимаю, в том числе задержан один из предполагаемых организаторов, сотрудник Минобороны украинской, украинского министерства, украинский силовик.

В. МИРОНОВ: Надо разбираться, мы исходим из той ситуации, которая есть сейчас.

С. КОРОЛЕВ: «Если экономически давить, это про транснациональные корпорации, тогда и политики запоют, как нам

надо, типа «Кока-Кола», «Макдак», «Проктор» и так далее». В общем, Алексей предлагает подействовать экономически.

В. МИРОНОВ: Это верно, экономическое давление может быть, но, к сожалению, мы здесь оказались в ситуации, когда с той стороны точно так же экономически помогают, там, где мы можем бороться, одновременно по этим же параметрам помогают. Мы ввязываемся уже в более серьезную конфронтацию, когда за Украиной идут и другие страны.

С. КОРОЛЕВ: Слушатель пишет: «Фелпс курил марихуану, а не сидел на кокаине. Но, для вас это, конечно, одно и то же. Скажите, что он еще и гей». Я свечку не держал, я не знаю. Честно вам признаюсь, мне все равно. Но то, как он высказывался по поводу нашей Юлии Ефимовой, меня задело лично. Если вас – нет, хорошо. А марихуана, кокаин – мне лично все равно. Я не пробовал ни того, ни другого и счастлив этим фактом. *«In god we trust, divide et impera»*. Разделяй и властвуй, этим руководствуются?

В. МИРОНОВ: И что?

С. КОРОЛЕВ: Что Вы хотите сказать? Это с тех времен античных?

В. МИРОНОВ: Разделяй и властвуй, один из принципов управления. И что? Что хочет сказать пишущий?

С. КОРОЛЕВ: Поясните, да. Вот философский вопрос от слушателя: «Закон исключенного третьего работает в политике?»

В. МИРОНОВ: Закон исключенного третьего работает в ограниченной области и одновременно не работает не только в политике, потому что политика наряду с жесткими решениями – это еще и определенные компромиссы, когда люди, даже находясь на противоположных позициях, исходя из более стратегических задач, пытаются все-таки эти компромиссы осуществить. И мы их тоже наблюдаем, в том числе в наши дни.

С. КОРОЛЕВ: Давайте к отношениям с Турцией. Что такое дружба в политике?

В. МИРОНОВ: В политике есть интерес.

С. КОРОЛЕВ: «Дорогой друг», – сказал вчера Эрдоган, обращаясь к Владимиру Путину. Это он искренне?

В. МИРОНОВ: Вряд ли это искреннее обращение, потому что здесь всегда политика. Мы можем назвать очень много имен, и скажем, периода Великой Отечественной войны, когда и называли друзьями, подписывали мирные договоры. Здесь стратегия. Здесь опять же решаются тактические, стратегические вопросы, и обращение здесь не имеет значения. Тот, кто сегодня может быть назван другом, завтра окажется врагом и наоборот. Поэтому здесь действительно надо смотреть за интересами.

С. КОРОЛЕВ: А как Вы смотрите на такое резкое потепление в отношениях с Турцией? Допустим, если весь мир представить политическим миром, Владимир Васильевич, как шахматную доску, а шахматные фигуры – это страны, то основные игроки, расставьте их, с одной стороны белые, белые – это кто, и кто черные? Здесь мы безоценочно, просто шахматы, они черно-белые. На одной половине кто стоит?

В. МИРОНОВ: Ясно, что на одной половине всегда стоят США.

С. КОРОЛЕВ: А вместе с ними весь западный мир так называемый?

В. МИРОНОВ: Вместе с ними весь западный мир.

С. КОРОЛЕВ: Евросоюз, кто примыкает еще? Соединенные Штаты Америки, Евросоюз.

В. МИРОНОВ: Евросоюз, включая восточные новые страны, которые пришли. Ряд стран типа Саудовской Аравии и так далее.

С. КОРОЛЕВ: Южная Корея, наверно?

В. МИРОНОВ: Южная Корея, да, частично.

С. КОРОЛЕВ: А Индия?

В. МИРОНОВ: Индия вряд ли. Индия, Китай – это все-таки немножко другое.

С. КОРОЛЕВ: А Латинская Америка? Она обособлена?

В. МИРОНОВ: Латинская Америка обособлена потому, что там манипуляции большие с правительством, как сейчас в Бразилии. Но все-таки Латинская Америка, я думаю, тяготеет к другой стороне последние годы.

С. КОРОЛЕВ: Значит, это другая сторона, смотрим. В центре этой другой стороны кто?

В. МИРОНОВ: Безусловно, в этой ситуации сейчас Россия. И я думаю, даже то, что с Турцией сейчас происходит, на самом деле это спровоцировала как раз противоположная коалиция, потому что когда у нас была проблема с этим самолетом, ведь на самом деле Запад не поддержал Россию в тех обвинениях, которые были Россией произнесены против Турции, и фактически нас поставили в эту ситуацию, сегодня, когда Турция оказалась аналогично в той же ситуации с проблемой беженцев. Сначала сказали, что это такой перевалочный пункт, вы возьмите беженцев, они будут у вас жить, потом постепенно Европа их будет принимать, для этого будут выделены деньги. Потом – ба-бах! Деньги не выделяются, беженцы, а их очень много, 3 миллиона, находятся в Турции. Для Турции это тоже серьезная нагрузка, эту проблему тоже надо решать. И решать ее можно, дело не в том, что Эрдоган там чем-то угрожает, но в конце концов может действительно произойти то, что он откроет границы, они пойдут в Европу.

С. КОРОЛЕВ: «Возможно, провокации в Крыму, – пишет слушатель, – приурочены к выборам в США, чтобы нагнетать антироссийскую истерию и, соответственно, повлиять на общественное мнение». Поклонская, бывшая прокурор Крыма, высказалась. Она говорит, что это связано с популярностью Крыма у российских туристов. Хотят просто в этом смысле подгадить нам. И по поводу Турции вот что пишут слушатели: «С Турцией надо еще посмотреть, у кого интересов больше. То есть мы Турции только зерна на 2 миллиарда долларов продаем, а еще газ и так далее, а они нам продают товаров на более скромные суммы. Так что Турция нам выгодна». И вопрос от Александра: «С чем связана череда встреч с лидерами стран из одного региона?» Встреча Владимира Путина, очевидно. Был Эрдоган, вот сегодня президент Армении Серж Саргсян.

В. МИРОНОВ: Я думаю, с Арменией-то понятно. Видимо, улучшаются отношения с Турцией, ясно, что у Армении несколько иная позиция по этому поводу. И я думаю, здесь Владимир Владимирович терапевтически, так сказать, успокаивает армянскую сторону, уводит от каких-то проблем, связанных с Турцией. Я думаю, в этом проблема.

С. КОРОЛЕВ: Смотрите, здесь по поводу раскладов: «Россия может повлиять на Украину, – пишет Крендель, – только если введет визовый режим и выдворит 3,5 миллиона украинцев, других вариантов просто нет». Вы согласны с нашим слушателем?

В. МИРОНОВ: Насчет визового режима – это возможно, потому что такие вещи просто происходят уже. А вот насчет выдворения – все-таки я считаю, что наши бывшие культурные взаимоотношения с Украиной таковы, что у нас на территории находится огромное количество людей, украинцев, которые, вообще-то говоря, России, может быть, преданы даже больше, чем мы думаем. И наши коллеги многие, мы знаем. Поэтому я не думаю, что здесь надо переходить к ситуации выдворения. Это мы прям гетто начнем создавать. Это, конечно, неверно, на мой взгляд.

С. КОРОЛЕВ: А как тогда быть?

В. МИРОНОВ: Ну, а как быть? Работают и работают украинцы в России, пусть работают. Если это нелегальные, то это касается не только украинцев.

С. КОРОЛЕВ: Может быть, попросить их определиться: пожалуйста, вот Вам упрощенная система принятия российского гражданства, Вы здесь работаете, Вы решили связать свою судьбу с нашей страной.

В. МИРОНОВ: Во-первых, здесь надо сказать по поводу упрощенного принятия. Оно не такое простое здесь, мы с этим сталкивались.

С. КОРОЛЕВ: Я понимаю, я говорю, что это в комплексе надо. Если говоришь «а», то говори и «б». Иными словами, если ты хочешь, чтобы эти люди считали себя русскими и стали российскими гражданами, сделай все, чтобы это было легко для них.

В. МИРОНОВ: Я не думаю, что надо кого-то толкать на прием гражданства. Это особый вопрос, он очень сложный. Когда человек может быть без гражданства и быть очень преданным своей стране.

С. КОРОЛЕВ: А Вы верите в такое понятие, как гражданин мира? Это вообще возможно? Многие себя так называют. Есть

люди, у которых три гражданства. Самый известный мне, например, Владимир Познер вспоминается. Кто он? Задавали много раз ему этот вопрос и по тому, что он отвечает, прослеживается «гражданин мира».

В. МИРОНОВ: Знаете, есть разные юрисдикции. Есть страны, которые признают двойное гражданство, есть те, которые не признают.

С. КОРОЛЕВ: Я сейчас не юридически спрашиваю, я спрашиваю философски, мировоззренчески. Если человек себя называет гражданином мира, то кто он?

В. МИРОНОВ: Я могу лично сказать, что меня, например, это не устраивает. Я гражданин той страны, в которой я родился. Я базируюсь, мое сознание базируется на этой культуре, поэтому гражданин мира – мне это непонятно. Можно это как угодно декларировать, но это неверно.

Что касается многих гражданств, здесь действительно возникает масса парадоксов. Масса парадоксов, например, даже по формам ответственности. Как человеку отвечать в зависимости от тех законов, которые могут быть разные в разных странах. Но одновременно-то надо сказать, что я согласен с тем, что человек может иметь другое гражданство и работать и жить в другой стране.

С. КОРОЛЕВ: А как у Вас конкурс в этом году на философский факультет? Мы с вами говорили некоторое время назад, но тогда еще было рано. А вот сейчас Анатолий Александров, ректор МГТУ имени Баумана, сказал, что 81 балл – это средний. Понятно, что это средняя температура по больнице. У Вас, видимо, выше.

В. МИРОНОВ: У нас по-другому. У нас же складывается балл из результатов ЕГЭ плюс еще дополнительный экзамен. Поэтому приблизительно разброс такой по факультетам: от 320, скажем, нижняя планка, до 460.

С. КОРОЛЕВ: Я ничего не понимаю, а 81-то откуда взялся?

В. МИРОНОВ: Это другая совершенно система. Они по одному ЕГЭ, видимо.

С. КОРОЛЕВ: А можно как-то привести к общему знаменателю?

В. МИРОНОВ: Можно, но например, человек сдает три ЕГЭ, ЕГЭ имеет 100 баллов, 80, 70 и так далее. Это все складывается. У нас на факультете где-то 326 проходной получается. А есть факультеты, у которых ниже, есть факультеты, у которых гораздо выше.

С. КОРОЛЕВ: У кого гораздо выше?

В. МИРОНОВ: Самый высокий в этом году на биоинженерии – 460. Но там тоже разница. У некоторых три экзамена, у некоторых четыре. Когда сейчас говорят о конкурсе, это вообще абсурд. Во-первых, когда подают документы, люди подают на много специальностей. Уже при подаче этот конкурс нереальный. То есть, раньше если вы подавали, вы увеличивали конкурс туда, куда подавали. А сегодня вы подаете в пять мест. И поэтому сейчас мы считаем по тем баллам, которые оказываются проходными. Вот проходные я назвал: вилка от 320, скажем, до 350 в среднем. И есть всплески – 460, это бакалавр.

С. КОРОЛЕВ: Этот уровень растет или снижается из года в год?

В. МИРОНОВ: Уровень растет сам по себе и плюс министерство контролирует, чтобы уровень ЕГЭ каждого университета, который берет, не опускался ниже определенной планки.

С. КОРОЛЕВ: Традиционный вопрос: «Куда идут работать философы?» – наш слушатель интересуется через *Telegram*.

В. МИРОНОВ: Традиционный ответ. Прежде всего, это системы массмедиа, коммуникационные ресурсы, это политические партии, это разного рода управленческие структуры, от Администрации президента до администраций, так сказать, региональных каких-то и так далее. Поэтому люди устраиваются. Но еще раз говорю, мы все время путаем: философ и человек, который выпускается с факультета.

С. КОРОЛЕВ: Вы готовите философов или нет?

В. МИРОНОВ: Мы готовим преподавателей философии, если уж так честно ответить. А вот как я говорю студентам на первом курсе: если хотя бы два человека из этой аудитории, которым я читаю лекцию, станут философами, я уже буду счастлив. Потому

что философ – это внутренние проблемы. Отнюдь не все, кто кончает факультет, даже внутри самих себя становятся философами.

С. КОРОЛЕВ: А как понять?

В. МИРОНОВ: А потому что профессия официально «преподаватель философии».

С. КОРОЛЕВ: Нет, как это понять, что ты философ?

В. МИРОНОВ: А это вот сложно. Ясперс, например, говорил, что философ осознает, что он стал философом изнутри себя. Когда ты вдруг начинаешь решать проблемы предельного характера.

С. КОРОЛЕВ: А Путин философ?

В. МИРОНОВ: Да нет, это вообще не вопрос. Я думаю, ему бы не понравилось, если бы его назвали философом.

С. КОРОЛЕВ: Почему?

В. МИРОНОВ: Мне так кажется.

С. КОРОЛЕВ: А кого бы Вы назвали философом из известных наших людей: политиков, общественных деятелей? Кто из них философ по манере мышления, разговора, по суждениям и действиям? Есть такие вообще в нашем пространстве медийном?

В. МИРОНОВ: У меня скоро выйдет статья, она, может быть, противоречит тому, кто обычно сидит в этой аудитории.

С. КОРОЛЕВ: Проханову? Лимонову?

В. МИРОНОВ: Нет, Холмогорову. Я как раз считаю, что философ, как индивид (у меня скоро выйдет статья на эту тему), должен быть дистанцирован от политики. Он может объяснять политику, но он не должен быть политиком. Он может советовать, но он не может участвовать.

С. КОРОЛЕВ: Серый кардинал.

В. МИРОНОВ: В каком-то смысле. И все философы, которые попытались участвовать: Платон, Аристотель, Хайдеггер – плохо кончили, очень плохо.

С. КОРОЛЕВ: Это правда. «Мы все граждане мира, мы все люди и живем на одной родной планете. Все разделения – от несовершенства мира и людей», – пишут нам.

В. МИРОНОВ: На мой взгляд, это не хочется называть таким уж словом совсем резким, но это абсолютно не верно. Челю-

век рождается не на планете, а рождается на конкретном куске земли, рождается в конкретной культуре, приобретает свойства этой культуры, которые, кстати, очень серьезно нас отличают друг от друга.

С. КОРОЛЕВ: «Украина нам вооруженный прорыв в Крым, а мы ей в ответ скидки на газ. По-вашему, это нормальная реакция?» – Александр спрашивает.

В. МИРОНОВ: Я не знаю точно эту ситуацию. Я все-таки не анализирую специально.

С. КОРОЛЕВ: Диверсии – ФСБ заявили, президент подчеркнул, скидки на газ мы не отменяли.

В. МИРОНОВ: Скидки на газ, видимо, это результат переговоров, за этим же тоже стоит государство и тот же президент, который делает жесткие заявления по поводу ситуации с Крымом, наверно, будет делать и другие заявления по поводу скидок на газ.

С. КОРОЛЕВ: «Философ – это не профессия, это образ жизни», – пишет слушатель. Дальше: «Как можно представлять предмет и не быть тем, чему ты учишь? Что это за наука такая?» – возмущаются по поводу философии. Вы говорите, что Вы из курса готовите всего двух философов, а остальные так себе, преподаватели.

В. МИРОНОВ: Понятно, что я говорю метафорически. Понятно совершенно, что человек может не кончить ни одного университета и стать философом. И человек может окончить 3-4 университета и философом никогда не стать, потому что для этого у него нет способностей.

С. КОРОЛЕВ: Я еще хотел спросить: сегодня поставлена точка в скандале с диссертацией Николая Никифорова. Его обвиняли в том, что слишком много плагиата, но в итоге ни ВАК, ни Минобрнауки не нашли таких серьезных нарушений, благодаря которым бы эту степень у него забрали. Для чего чиновникам и депутатам ученые степени и звания? Недавно выяснилось, например, что Вероника Скворцова хочет стать членом-корреспондентом Академии наук.

В. МИРОНОВ: Вот для меня это вообще дикость, потому что я бы вернулся в этом плане к советским временам, когда люди, которые занимали достаточно высокие посты, просто не защищались. Да, им было это не дано. Им некогда было защищаться. И поэтому это абсурд с одной стороны, это наука в загоне, а с другой стороны, люди пытаются получать степень. Я бы запретил.

С. КОРОЛЕВ: Итак, финальная часть. Сейчас полностью Вас отдаю на растерзание слушателей, Владимир Васильевич, и запускаю голосование по традиции. По итогам программы Вы за Миронова или против?

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер. Роман, Москва. Насколько я понял, Ваш гость преподает в МГУ, да?*

С. КОРОЛЕВ: Он декан философского факультета МГУ, доктор наук, профессор.

СЛУШАТЕЛЬ: *Прекрасно. То есть человек, который занимается реальным делом и, наверно, обладает реальной информацией. Хотелось бы узнать у него, где в основном учатся дети старшего командного состава нашей вертикали власти. Он то должен обладать такой информацией.*

В. МИРОНОВ: Я могу сказать за свой факультет. У меня дети старшего командного состава на сегодняшний день не учатся. Но часть людей, которые кончают наш факультет, могут подниматься достаточно высоко.

С. КОРОЛЕВ: Куда?

В.М.: Например, пресс-секретарь Медведева – наша выпускница.

С. КОРОЛЕВ: Тимакова?

В. МИРОНОВ: Да, она окончила кафедру социальной философии.

СЛУШАТЕЛЬ: *Очень дипломатично Вы ответили на мой вопрос. Спасибо.*

С. КОРОЛЕВ: Здравствуйте. Как Вас зовут?

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте. Меня зовут Владислав. У меня вопрос по поводу Украины и Крыма. А Вы не считаете, что нам опять надо такой указ вводить, который был издан весной*

2014 года, что Россия имеет право направлять войска на территорию Украины? Вот такой был указ, Совет Федерации принимал.

С. КОРОЛЕВ: Нет, он немного по-другому звучал. Действовать на территории других государств. Как-то так.

СЛУШАТЕЛЬ: *Хорошо. Это же принуждение к миру, так сказать, потому что война, мне кажется, неизбежно будет все равно, потому что они добьются этого, что Россия спровоцирует.*

С. КОРОЛЕВ: Понятно, да. Прокомментируйте, Владимир Васильевич.

В. МИРОНОВ: Возможно, есть такой дипломатический ход, действительно, это возможно для того, чтобы продемонстрировать готовность.

С. КОРОЛЕВ: Кстати говоря, в тот раз, когда указ, не то что указ, а это одобрение должно было быть получено у парламента, Совет Федерации экстренно собирался. И тогда посол Зурабов работал на Украине, работал в Киеве. Сейчас посла нет, обратим на это внимание.

В. МИРОНОВ: Да, усложнение еще это.

С. КОРОЛЕВ: Добрый вечер. Как Вас зовут?

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер. Алексей, Москва. Какое Ваше мнение по поводу того, что из многих тысяч кандидатов на предстоящие выборы Центризбиркомом зарегистрированы в том числе 95 кандидатов с уголовным прошлым, 60 из которых скрыли эту пикантную деталь своей биографии? Тем более, по Волгоградской области есть данные, что в «Партии роста» есть такие кандидаты, которые привлекались не только за коррупцию и экономические преступления, но по убийству и по рэкету еще в 1990-е. Спасибо большое.*

В. МИРОНОВ: Я бы считал, что для чистоты ситуации, конечно, этих людей надо отстранять.

С. КОРОЛЕВ: Короткий ответ. Отвлеченный вопрос задам. Один из наших слушателей интересуется: «Как Вы считаете, действуют ли сейчас социальные лифты?».

В. МИРОНОВ: Отличный вопрос. Это мой вопрос, потому что я сам прошел в жизни из бараков и семьи без отца и только благодаря тому, что образование было социальным лифтом, я поступил. Между нами говоря, что называется, в эфире, сегодня я бы, наверно, к вузу даже не подошел, потому что у меня нет денег на платное образование и была не очень хорошая успеваемость. Но я одумался в итоге.

С. КОРОЛЕВ: Но ведь этот социальный лифт сработал в другом государстве.

В. МИРОНОВ: Где?

С. КОРОЛЕВ: Это был Советский Союз. А сейчас?

В. МИРОНОВ: Сейчас образование, как социальный лифт, разрушено. И это большая беда.

Человек, который, например, учился в школе не очень хорошо, через 5 лет передумал, сегодня практически выкинут из образования.

С. КОРОЛЕВ: Я правильно услышал, Вы бы пошли в бизнес? То есть у нас две развилки. Преподавать – это призвание, а Вы в бизнес, так получается?

В. МИРОНОВ: Нет, я бы не пошел в бизнес. У меня так и было. Я пошел работать токарем, армия, потом, так сказать, рабфак, и потом университет.

Сейчас я пошел бы куда смог. Удалось бы в бизнесе – наверное, пошел бы, чтоб жить нормально. Я опрашивал студентов, могли бы вы сейчас для того, чтобы поступить, пойти работать по рабочим профессиям? Практически никто не готов.

С. КОРОЛЕВ: Вопрос сложный от слушателя, но я попрошу по возможности лаконично ответить. «Что будет, если США возьмет Россию как Европу, как это отразится на народе и вообще на жизни россиян? Второе: что будет, если Россия возьмет США как Европу, не придется ли России делать ту грязную работу, которую делает США? И третий вариант, почему США не берется за Китай? Или это не в силах Америки?».

В. МИРОНОВ: Я начну с третьего. Между прочим, об этом не думаю. Пока США и Китай от их альянса сдерживает только одно – это определенная идеологическая позиция Китая.

А вот мы можем, например, немножко пофантазировать и представить себе, что на самом деле велика возможность сближения США и Китая, учитывая наличие долларов в Китае, настолько большое, я уже не говорю о производстве тех же айфонов китайцами и так далее. И вот это действительно большая опасность. И я думаю, неслучайно мы сегодня так бурно развиваем отношения с Китаем, потому что, не дай Бог, в Китае произойдут какие-то идеологические изменения, и вот этот альянс – США и Китай – подомнет под себя все.

С. КОРОЛЕВ: «Хотелось бы знать, философ может быть солдатом, воином, умеющим убивать?»

В. МИРОНОВ: Страшный вопрос. Есть очень интересные письма, периода Первой мировой войны, письма философов из окопов. Немцев, правда. В «Логосе» старом они опубликованы. Это страшные письма, когда человек уходит от проблем разорванных тел, отравлено все – трансцендентные проблемы. Я думаю, когда человек на войне, он должен быть воином.

С. КОРОЛЕВ: Вы знаете, что ВЦИОМ сегодня опубликовал индекс страхов россиян? И на первом месте, самый популярный ответ – это рост международной напряженности, страх конфликтов между странами и военных действий.

В. МИРОНОВ: Здесь нечего комментировать, это действительно так.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер, Сергей Алексеевич. Вот июльские президентские кадровые перестановки с усилением во власти силовиков, лояльных к президенту – это, на ваш взгляд, является ли свидетельством нарастающих внешних и внутренних угроз для нашей страны? И, на ваш взгляд, какие опаснее угрозы – внешние или внутренние?*

В. МИРОНОВ: В этой ситуации, конечно, внешние угрозы, безусловно, опасны. И вот такого рода перестановки, когда во главе появляются просто надежные люди, я даже не говорю, не хочу говорить силовики. Это во многом даже вынужденная ситуация.

С. КОРОЛЕВ: Давайте подведем итоги голосования. Вопросы остаются, мы Вас снова ждем в этой студии. Владимир Миро-

Владимир Васильевич Миронов

нов, декан философского факультета МГУ, философ. Тут спрашивали, Вы сами себя философом считаете, признаете?

В. МИРОНОВ: Хотелось бы.

С. КОРОЛЕВ: Философ Владимир Миронов, сегодня Вас поддерживает 87% наших слушателей, 13% готовы поспорить. В споре, как известно, рождается истина.

Русская служба новостей, 2016 г.

ИДЕОЛОГИЮ НЕЛЬЗЯ НАВЯЗАТЬ, ОНА ДОЛЖНА ВЫЗРЕТЬ В ОБЩЕСТВЕ

А. КОЗЫРЕВ: Добрый вечер, дорогие друзья. В эфире «Философский клуб», у нас в гостях декан философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии наук Владимир Васильевич Миронов. Здравствуйте, Владимир Васильевич!

В. МИРОНОВ: Добрый вечер!

А. КОЗЫРЕВ: Владимир Васильевич не первый раз в гостях на нашей передаче и не первый раз в студии «Русской службы новостей». Сегодня у нас есть конкретные поводы, может быть, не очень приятные. Что происходит с российским гуманитарным образованием? Недавно я прочитал в «Российской газете», что теперь нельзя будет защитить диссертации по специальности, которая не соответствует диплому.

То есть, условно говоря, юрист не сможет защитить диссертацию по экономике, а физик не сможет защитить диссертацию по философии, и для нас это является настораживающим моментом, потому что обычно философия считалась не только гуманитарной наукой. Я знаю, что Вы постоянно отстаиваете идею о том, что это общая проблема научного знания как такового, общая проблема физики, химии и так далее.

А теперь получается, что человек, который, обучаясь на физфаке, немножко почувствовал в себе дуновение лирики, решил прийти на философский факультет, чтобы немного пофилософствовать, обобщить какие-то принципы своего научного знания, не сможет защитить диссертацию. Так выходит?

В. МИРОНОВ: Да, позиция странная. Я это называю очередным реформаторским безумием. Правда, эту информацию надо

проверять, поскольку пока есть только комментарии газеты, и мы не знаем, что на самом деле. Если исходить из комментариев газеты, а они, наверное, справедливы, потому что уже было выступление президента РАН Фортова, который критиковал такого рода решение, то это, конечно, полное безумие, потому что аспирантура и защита диссертации – это высший уровень.

Мы, наоборот, заинтересованы, когда к нам приходят люди с базовым образованием – математическим, физическим, химическим, историческим, филологическим – и делают диссертации на стыке наук. Более того, сама проблема стыка наук сегодня является, как говорят, трендом: на стыке осуществляется огромное количество открытий.

А здесь же речь идет не только о философии. Например, сегодня современная биология невозможна без физики. Михаил Петрович Кирпичников, декан биологического факультета, который ВАК долгое время возглавлял, имеет физическое образование и делал открытия на стыке физики и биологии. А здесь, получается, это перекрывается. Абсурднее решения просто нельзя придумать.

А. КОЗЫРЕВ: Это не какая-то газета, а «Российская газета». Все-таки это органы правительства, поэтому мы этим комментариям можем в определенной степени верить. Может, нам вообще хотят сказать, что науки слишком много в нашей жизни, что надо поменьше заниматься наукой, поменьше писать диссертаций, а идти на биржу, в малый бизнес, предпринимательство? К чему все это нас ведет? Может быть, это, действительно, сознательный тренд нашей власти – ограничить людей в том, чтобы они занимались наукой?

В. МИРОНОВ: Хочется надеяться, что это не тренд власти, но некоторые вещи действительно парадоксальны. Только что состоялся съезд учителей истории и обществознания, и там представитель, скажем, высших органов, обращаясь к учителям, говорил: «Что нам нужно от школьника? Не надо знать никаких особых вещей по истории, по обществознанию, а нужно, чтобы он готовился быть пенсионером, чтобы он умел вкладывать деньги».

А. КОЗЫРЕВ: Школьник готовился быть пенсионером?

В. МИРОНОВ: Да, школьник.

А. КОЗЫРЕВ: То есть в 12 лет пора уже задумываться о том, что будет, когда тебе будет 60?

В. МИРОНОВ: Да, чтобы, когда он вышел из школы, он мог вкладывать в акции, чтобы он мог накопить себе деньги. Вот такая примитивная экономизация, очень примитивная.

А. КОЗЫРЕВ: Может, в школе уже надо задуматься о месте на кладбище, каждого школьника научить, как покомпактнее разместиться?

В. МИРОНОВ: Я всегда в таких случаях говорил, что лучше ничего не произносить, потому что это может оказаться реальностью, и мы завтра об этом услышим. Но, действительно, тренд таков, что наука оказывается в стороне. Представьте себе: из школ уже больше 10 лет назад исчезла астрономия. Казалось бы, эта дисциплина просто привлекает школьника, влияет на мировоззрение и, в конце концов, просто интересная. И ее нет.

А. КОЗЫРЕВ: Я слышал, что астрономию снова собираются вводить, а вот обществознание, насколько я слышал, вообще собираются убрать из старшей школы и убрать экзамен по обществознанию. Есть такое предположение. Насколько эти слухи имеют место быть?

В. МИРОНОВ: Это не просто слухи. Опять же, на этом съезде этот вопрос рассматривался. Там, конечно, есть мощное лобби в лице юристов. Логика вроде бы простая: давайте мы дадим дисциплины, ведь когда мы рассматриваем само обществознание, то говорим, что это набор дисциплин. При этом, если убрать обществознание, у нас в школе вообще не будет философии. Это абсурд.

Ни в одной стране мира нет такой ситуации, чтобы философия в том или ином виде не преподавалась. Обществознание предлагают не совсем убрать, а передвинуть его в младшие классы. Если это будет сделано, тогда вся эта философская сфера уйдет в младшие классы и не будет выходить на ЕГЭ. Соответственно, люди не будут сдавать ЕГЭ по обществознанию, что повлечет за собой очень серьезные последствия для перераспределения потоков абитуриентов. Я думаю, здесь есть и историческое лоб-

би. На самом деле, обществознание очень многие выбирают при сдаче ЕГЭ, и оно является проходным для юридических факультетов и так далее. А историю как раз выбирают мало.

А. КОЗЫРЕВ: А что сдать сложнее? Скажите как декан и одно время председатель предметной комиссии – к чему труднее подготовиться?

В. МИРОНОВ: На этот вопрос прямо не ответишь. Я думаю, что по обществознанию, поскольку это комплексная дисциплина, требуется гораздо больше общих знаний, которые охватывают совершенно разные области мировоззренческого, человеческого отношения к миру. А история – это, как и юриспруденция, предметная узкая область, это мы можем четко определить. Например, в Германии есть похожий курс обществознания, но включающий элементы географии. И в других странах это есть. Фактически, это определение места, которое человек занимает в мире, как по Канту. Не только среди научных дисциплин, а в мире вообще.

А. КОЗЫРЕВ: Можно ли сказать, что обществознание – это сердцевина гуманитарного знания в школе, что на нем держится гуманитарное знание как таковое? Или все-таки здесь большую роль играют история, русский язык, литература?

В. МИРОНОВ: Я бы, конечно, не умалял значение литературы и истории, особенно для нашей культуры. Вы знаете, что литература у нас очень философична, содержит очень много вещей. А обществознание является концентрированным выражением общих понятий, категориальной системой. Людей вводят в некую систему категорий, которая необходима. Еще раз говорю: если бы гипотетически в школе было нечто вроде введения в философию, меня бы это устроило больше.

А. КОЗЫРЕВ: Как Вы думаете, должна ли школа готовящемуся стать взрослым человеку давать мировоззрение? В 1990-е годы я сам преподавал в школе, и были разные разговоры о том, что школа должна быть деидеологизирована, должна давать знания, а политическую позицию человек потом сам в жизни найдет, сформирует, и вообще это не место, где воспитывается мировоззрение. Или школа должна давать мировоззрение человеку, иначе оно будет формироваться различными СМИ, в том

числе теми, где достаточно тенденциозно рассматриваются проблемы нашей общественной реальности?

В. МИРОНОВ: Здесь можно дать два ответа. С одной стороны, картины мира, которую дают конкретные науки, являются локализованными, поэтому любая картина, даваемая физиком или математиком, носит локальный характер. В этом случае возникает проблема того, как все эти картины мира объединить в единое целое. Именно философия и, косвенно, обществознание в этом случае выступают своеобразной интегративной дисциплиной, которая позволяет если не разложить остальные дисциплины по полочкам, то, по крайней мере, дать общую картину мира.

Это одна сторона. Вторая сторона заключается в следующем: у нас по Конституции идеология действительно запрещена, а этому предмету часто навязывали именно выполнение прямой идеологической функции. Обществознание или похожие дисциплины сводились к набору неких партийных документов, что тоже, по сути, идеологией как таковой не является.

Что такое идеология? Идеология – это воззрение на мир какой-то группы или класса людей. Поэтому, мне кажется, ничего нет плохого в том, что на основании картин мира разных наук есть нечто обобщающее, которое формирует в человеке его взгляд на мир, с одной стороны, с позиции естественных наук, а с другой стороны, с точки зрения гуманитарных наук, то есть формирует общую картину.

А. КОЗЫРЕВ: Условно говоря, школьник приходит на биологию, где ему рассказывают о дарвинизме, потом приходит на урок основ православной культуры, где ему говорят, что мир сотворен Богом. Получается некий диссонанс. Может быть, обществознание здесь и должно показать ему, что существуют разные взгляды на мир, что есть теологический подход, есть научный подход к мирозданию, а есть, может, и еще какой-нибудь, эстетический например.

В. МИРОНОВ: Совершенно верно.

А. КОЗЫРЕВ: Аспирантуру тоже, кстати сказать, по философии хотят отменить. То есть у меня складывается такое ощущение

ние, что есть некая цепочка мер, решений, которая должна привести к тому, что гуманитарного в нашей жизни должно стать как можно меньше. С чем это связано? Почему всякая реформа – политическая, экономическая – прежде всего делает более уязвимыми культуру и гуманитарные знания?

В. МИРОНОВ: Я уже говорил, даже, по-моему, на этой радиостанции, что реформа образования, которая у нас так долго длится, по сути уже является контрреформой. Ясно, что для того, чтобы провести эти решения в жизнь, пытаются выбрать то, что сегодня называют эффективными способами или эффективными конструкциями, позволяющими оценить, что нужно, а что – нет. Вообще говоря, при проведении этой реформы отсутствует стратегия. Непонятно, что мы должны получить.

А. КОЗЫРЕВ: Стратегия реформы образования?

В. МИРОНОВ: Образования в целом и школьного образования. Непонятно, что должно быть в конце. Мы должны подготовить кучу школьников, которые будут поступать в вузы? У нас это уже деформировано. Если в Германии 30% идут в вузы через гимназии, то у нас – 97%. Мы разрушили ПТУ, техникумы и так далее. Если мы хотим просто подготовить человека, чтобы он ориентировался в жизни, – тогда другая парадигма.

Сейчас у нас работает, к сожалению, псевдоэкономическая парадигма, которая говорит о том, что человек должен просто уметь выживать в этих реальных экономических условиях, а вся эта литература, раздумья только мешают. Если человек будет рассуждать по типу Достоевского по каждому поводу, он же вообще решений никаких не примет, потому что будет все время бросаться из стороны в сторону.

А. КОЗЫРЕВ: Так, может быть, не читать Достоевского? Ленин не любил Достоевского.

В. МИРОНОВ: Я думаю, до этого один шаг. Если мы посмотрим, какие сейчас литературные произведения рекомендуются, то увидим, что часть из них выброшена. Я точно не знаю, но почти уверен, что по списку Достоевского часть книг уже не рекомендуется, мы уже с этим сталкивались. Поэтому я не удивлюсь, если сложные для прочтения книги будут уходить.

А зачем мучить человека? Он, так сказать, погуглит, вытащит все из интернета.

Давайте все упростим, человек должен быть простой. А если человек становится простым, то им легче манипулировать. Если человек не читает Достоевского, Толстого, не знает философию и только нажимает кнопки на *iPhone*, *iPad* и компьютере, то манипулировать им элементарно.

А. КОЗЫРЕВ: Вы мне рассказывали, что как-то в школе учитель был отстранен от обществознания, и Вам пришлось самому, будучи школьником, вести уроки по обществознанию.

В. МИРОНОВ: Я был сложным учеником, меня трижды отчисляли из школы. И действительно, был такой эпизод в 9 классе, когда было обществознание. Кстати, обсуждалась проблема культа личности Сталина. Тогда была вся эта волна, достаточно жесткая критика, полемика, а учитель занял какую-то странную позицию, полностью оправдывая репрессии, кровь и так далее.

А. КОЗЫРЕВ: Это было уже после XX съезда?

В. МИРОНОВ: Да, конечно. А я был старостой, как всегда. И я увел класс, и мы перестали ходить в школу в знак протеста.

А. КОЗЫРЕВ: То есть Вы бросили вызов сталинизму, еще будучи подростком?

В. МИРОНОВ: Да-да. В конце концов, к нам стали приезжать из РОНО, потому что образование-то обязательное, а целый класс не ходит. И нас уговорили прийти, и одним из предложений, которые они сделали, было то, что я буду какое-то время вести уроки по обществознанию. И я где-то в течение двух месяцев, сам будучи школьником, проводил уроки.

А. КОЗЫРЕВ: В каком классе это было?

В. МИРОНОВ: Это где-то 9-й или 10-й, я сейчас могу ошибиться. Мне кажется, было нормально. Кстати, директор этой школы потом работала у нас в университете, преподавала немецкий язык.

А. КОЗЫРЕВ: А ребятам, Вашим одноклассникам, это понравилось?

В. МИРОНОВ: Я думаю, понравилось, потому что я был таким лидером, достаточно много читал.

А. КОЗЫРЕВ: И оценки тоже ставили?

В. МИРОНОВ: Нет, оценки, конечно, не ставил. Это было просто что-то типа рассказов. Это 571-я школа в Раменках.

А. КОЗЫРЕВ: Когда я преподавал в школе обществознание, мы обязательно читали «Легенду о Великом инквизиторе» Достоевского из «Братьев Карамазовых». Это к вопросу о том, что обществознание – это некий общий разговор обо всем. А вот вполне конкретный текст в русской литературе: вопрос цены, ради которой можно предать свободу. Например, стоит ли свободы общественный порядок, стабильность? И вообще, что такое свобода?

В. МИРОНОВ: Сегодня я выступал на конференции и говорил, что сейчас модно понятие «толерантность». Но возьмем, например, биологическую систему: если мы доведем это понятие до абсурда и будем толерантны к инфекциям, то мы погибнем. Вообще говоря, толерантность имеет определенные зоны и определенные пределы. Гете, кстати, очень хорошо сказал: «Толерантность – это временное состояние, потому что временное состояние толерантности некомфортно и для того, кого терпят, и для того, кто терпит».

Само состояние навязанной толерантности очень психологически некомфортно, а мы начинаем это навязывать на уровне геополитики, фактически навязываем некую систему ценностей.

А. КОЗЫРЕВ: Мне, кстати, хотелось радиослушателей наших спросить, давайте проведем голосование: Вы считаете, что обществознание необходимо оставить в школе, причем сделать его важным предметом, вплоть до 11-го класса, или его функции вполне выполняют литература, история, география и другие общеобразовательные предметы? У нас есть звонок. Здравствуйте, Вы в прямом эфире.

СЛУШАТЕЛЬ: *Я, скажем так, советский человек, и мое мнение таково: обществознание, обществоведение необходимо, это зачатки философии, и в средней школе этот предмет необходим. Ваш гость рассказывал, что вел предмет. Эту практику, когда ученики сами ведут уроки, тоже пытались ввести в перестройку.*

А. КОЗЫРЕВ: Вы вели в школе политинформацию?

СЛУШАТЕЛЬ: *Конечно, не без этого.*

А. КОЗЫРЕВ: Это Вам что-то дало в плане практики, работы с источниками, с новостями?

СЛУШАТЕЛЬ: *Я думаю, да. Эта практика просто необходима для общения со сверстниками и вообще с людьми в широком смысле.*

А. КОЗЫРЕВ: Спасибо! Радиослушателем высказана четкая позиция. Может быть, нам позвонит кто-то, у кого другая позиция: что обществознание не нужно, что это идеологический предмет, от которого в школе нужно избавляться. Хотя вот в *Viber* нам радиослушатель пишет: «Думаю, не нужно стесняться слова “идеология”, так как каждое общество идеологию так или иначе вырабатывает. Например, идеологию патриотическую, демократическую и так далее». На самом деле, может, и нет ничего страшного в том, что идеология как-то применяется в школе?

В. МИРОНОВ: По поводу боязни идеологии я бы ответил, что плохо, когда идеологию начинают придумывать – сверху, сбоку, снизу и так далее. Идеология должна вызреть в самом обществе, и, если общество готово к принятию этой идеологии, значит, большинство или часть общества считает, что это нужно. В нашей стране, к сожалению, и в старые времена, и сейчас бывают эксцессы, когда идеология придумывается.

А. КОЗЫРЕВ: Давайте примем еще один звонок. Здравствуйте, Вы в прямом эфире.

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте! Я бы хотела сказать, что у меня обществознание в школе было одним из любимых предметов, но не в этом дело. Я высказываю огромную благодарность своему педагогу, который научил нас формулировать свои мысли. На уроках обществознания у нас были дебаты, мы отстаивали разные точки зрения, просиживали в библиотеках по 8-9 часов, чтобы подготовиться к этому предмету.*

А. КОЗЫРЕВ: А на чем делался акцент? Это была экономика, социология?

СЛУШАТЕЛЬ: Именно социология: общество, человек в обществе, наши права, наши потребности.

А. КОЗЫРЕВ: Спасибо! Давайте еще один звонок примем. Может, кто-то против обществознания? Здравствуйте!

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый вечер! На мой взгляд, если окинуть исторические аналогии, а единственный метод познания неживой природы – это аналогия, то мы увидим, что действенной идеологией является только благополучие. Благополучное общество, которое смотрит из своего далека на другие страны и не желает существовать так, как эти, рождает какое-то единство. Все остальные идеологии – пораженческие. Они придумываются властью, чтобы укреплять таковую относительно окружающей среды.

А. КОЗЫРЕВ: Хорошо, но обществознание оставляем в школе?

СЛУШАТЕЛЬ: Вы знаете, я тоже учился в советской школе и ничего более дикого, бессмысленного, как вот эти общественные предметы в школе, трудно придумать.

А. КОЗЫРЕВ: Спасибо, Ваша позиция услышана. Подведем итоги голосования. Наши радиослушатели категорически за обществознание в школах: 89% проголосовали за и 11% – против. И звонки тоже показали, что большинство людей положительно вспоминают, как в школе им преподавали обществознание и, наверное, научились разбираться в тех проблемах, которые есть в нашем современном обществе.

Если говорить о тех посланиях, которые мы получили на наши электронные средства связи, то здесь есть одно обращение к Вам: «Уважаемый Владимир Васильевич, может ли философское сообщество противостоять реформам, которые губительны и для философии, и для российской науки и образования в целом? Что можно сделать в этой ситуации на уровне отдельных личностей, кафедр, факультетов, университетов и научных институтов?». Действительно, что на уровне отдельных личностей-то можно сделать?

Вот нам не нравится реформа, которая происходит в образовании, в науке, в культуре. Например, собираются закрыть би-

блиотеку имени Данте Алигьери, которая десятилетиями накапливалась, фонды собирались. Что нам делать? Я понимаю, что Московский университет может, например, письмо президенту написать. А вот отдельная личность, человек что может сделать, чтобы изменить ситуацию?

В. МИРОНОВ: Огромное спасибо за этот вопрос. Я думаю, это вопрос, который связан с жизненной позицией человека. Конечно, стучать себя в грудь и переходить на псевдопротестные формы – это не очень эффективно. Система выстроена таким образом, что гораздо эффективнее будет собирать сообщество и свое мнение выражать и доводить до соответствующих структур. У меня было когда-то открытое письмо, которое было отправлено Фурсенко. Я тут недавно его разрыл и вчера, в связи с этими событиями, поместил в *Facebook*. В нем наш факультет выступил очень активно против изменения стандартов, и нам тогда удалось приостановить этот процесс, Фурсенко прислушался к нам.

А. КОЗЫРЕВ: Образовательных стандартов?

В. МИРОНОВ: Да.

А. КОЗЫРЕВ: Из которых хотели исключить философию?

В. МИРОНОВ: Да-да.

А. КОЗЫРЕВ: Сегодня же это опять возвращается: философию стараются убрать из вступительных экзаменов в аспирантуру.

В. МИРОНОВ: Я, являясь председателем учебно-методического объединения, думаю, что нам надо делать какое-то грамотное письмо. Надеюсь, власть прислушается к этому письму. А вот поддержка людей, которые нам пишут и подтверждают, что называется, с мест, лишний раз доказывает, что мы правы.

А. КОЗЫРЕВ: Действительно, люди нам пишут и выражают благодарность за передачу, особенно за эту тему. Пока что нет ощущения, что эти реформы приносят какую-то пользу обществу, и люди стали культурнее, гуманитарно образованнее. Я, знаете, недавно читал репортаж в «Московском комсомольце», не буду называть фамилию журналистки.

Репортаж был очень интересный и замечательный, о премьере оперного спектакля на Западе, но я в одном этом репортаже нашел три грубых орфографических ошибки. Я читал эту статью в Сети, поэтому не знаю, как было в печатном издании, но, действительно, резко заметно, в том числе по работе журналистов, что квалифицированное владение русским языком ускользает даже от тех, кто является профессионалом в этой сфере.

В. МИРОНОВ: Знаете, мы с этими реформами оказались в кругу, который очень неприятен. Поскольку реформа длится достаточно долго, она сегодня разрушила очень многие механизмы, в частности, механизм мотивированности поступления в вузы. Раньше, если мальчик поступал на философский факультет, он действительно этим хотел заниматься. Сегодня мы имеем пласт людей, который благодаря ЕГЭ и так далее оказались на факультете случайно.

Мы должны понимать, что через 5-7 лет эти люди будут на других местах, в том числе управлять образованием, поэтому, если в ближайшее время мы не выработаем стратегию и модель того, что мы хотим, страна окажется заложницей этого. Мы потеряем фундаментальное образование. Мы уже превратились в страну, поставляющую программистов в другие страны: в Германии принято решение увеличить квоты на въезд наших программистов до 100 тысяч человек. И все это реализуется в рамках геополитической ситуации.

А. КОЗЫРЕВ: У нас есть 100 тысяч программистов?

В. МИРОНОВ: Ну, они готовы принимать. Там не только программисты, другие естественные специальности, но, к сожалению, не философы. Мы должны понимать, что в рамках геополитического перераспределения нам сразу готовится роль изгоя: «вот вы нефть добываете – и добывайте, мы вас даже подкармливать будем». Вот почему события последних двух лет для многих оказались неожиданными, для западных стран оказалось, что Россия – достаточно сильная.

И главное условие здесь – качество образования. Как только мы опустим фундаментальное образование, образование во-

обще, то через 10 лет мы окажемся страной-изгоем. Мы никому не будем нужны, и даже специалистов больше не сможем готовить, которые будут нужны за рубежом. Удивительно, почему эта стратегия и построение стратегической модели не осуществляется.

А. КОЗЫРЕВ: Будем как кот Матроскин в знаменитом мультике: «А я еще и вышивать умею». Будем так скромненько говорить, что, вообще-то, мы не только ямы рыть умеем, у нас еще есть какие-то человеческие способности, особенности.

В. МИРОНОВ: Я когда-то сказал одному высокопоставленному чиновнику по поводу английского языка: «Вы хотите, чтобы цитируемость повысилась? Тогда давайте запретим нашим детям говорить по-русски с самого начала, и это повлияет. Но только тогда, наверное, он и Пушкина будет читать на другом языке».

А. КОЗЫРЕВ: Видимо, Вы поэтому написали статью «Наукометрия как разновидность безумия». Если идти по этому пути, мы действительно можем дойти до безумия, когда ради цитирования в англоязычных журналах третьего и четвертого сорта мы должны забыть наш язык.

В. МИРОНОВ: В Германии был скандал, когда два журнала Гегеля и Канта, которые, вообще-то, говорили по-немецки, пытались закрыть, поскольку нет английского варианта. Поэтому все эти наукометрические фокусы очень далеко могут завести. Они не столь безобидны. Вместо того чтобы помогать ученым, они ранжируют: мне сегодня выгоднее написать три статьи по десять страниц, чем одну хорошую статью в тридцать страниц. Вот элементарная манипуляция. И эти манипуляции множатся уже непрерывно, соавторство возникает. У гуманитариев раньше соавторство было не очень принято.

А. КОЗЫРЕВ: У гуманитариев были Ильф и Петров.

В. МИРОНОВ: Да-да.

А. КОЗЫРЕВ: То есть научные статьи тоже должны превратиться в «Двенадцать стульев», «Золотой теленок».

В. МИРОНОВ: Это действительно безумие. Кстати, это предсказал Станислав Лем, великий польский фантаст: где-то 50 лет

назад вышла его «Сумма технологии», где он сказал, что вся масса литературы превратится в информационный шум, который ученому не очень нужен.

А. КОЗЫРЕВ: Давайте примем звонок. Здравствуйте, Вы в прямом эфире.

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте! Очень хорошая передача. Я хочу сказать две вещи. Во-первых, вкратце по поводу обществоведения. Я считаю, предмет очень нужный, но туда нужно кое-что добавить. Например, политологию, социологию и еще многие вещи, которые соответствуют современности.*

А. КОЗЫРЕВ: А разве там этого нет? Вы видели школьную программу по обществознанию? Там и политология, и социология, и даже религия, основы духовной компоненты есть. Но Вы совершенно правы в том, что без этого предмет будет голословным каким-то.

СЛУШАТЕЛЬ: *Да, это необходимо, чтобы выпускники разбирались в различных хитросплетениях политики, внутренней и внешней. И второе, по поводу русского языка. Например, сейчас везде вместо слова «говорить» произносят «озвучить». Я даже одному ведущему на одной радиостанции сделал замечание, и, слава Богу, он больше этих слов не повторяет.*

А. КОЗЫРЕВ: Совершенно с Вами согласен. Озвучивает Клара Румянова роль зайца в мультфильме «Ну, погоди!». Мы сделали акцент на слове «образование» и поговорили о тех горе-реформаторах, которые пытаются отменить обществознание в школах, философию в вузах. А если сделать акцент на слове «гуманитарный»? Вообще, что такое «гуманитарный» и что такое «гуманизм»? В наш жестокий век должны ли мы делать человека гуманнее, или, может, наоборот, его надо приучать к закону талиона, к суровым условиям борьбы?

В. МИРОНОВ: Сама этимология слова говорит о том, что в основе всего лежит человек. Что бы мы ни делали, какие части Вселенной ни осваивали, в идеале это все делается для человека. Не случайно четвертый вопрос Канта так и звучит: «Что такое человек?». Наряду с выяснением, где он находится и так далее. Вообще говоря, гуманизм – это не просто сведе-

ние к индивиду. По большому счету, если онтологически, философски к этому подходить, то человечество – это определенный слой бытия и определенный слой Вселенной.

У Шкловского, нашего астрофизика, была когда-то книга о том, что мы одиноки во Вселенной, где он говорил, что мы должны нести ответственность за человечество, потому что, разрушив, убив, погубив себя, мы разрушим вот этот уникальный слой человеческого бытия. Отсюда рождается ситуация, связанная с гуманизмом. Это не просто абстрактная любовь, а создание условия для саморазвития человека, чтобы человек полноценным образом мог реализовывать себя как личность. Это понимание его внутренней свободы, которая тоже очень непроста.

Опять вспомню Канта: «Свобода одного начинается там, где кончается свобода другого». Это сегодня очень часто забывают, когда мне говорят, что хотят делать то-то, а я, как свободный человек, должен это воспринимать. Нет, не обязан я воспринимать, потому что у меня тоже есть свои степени свободы. Отсюда вытекает то, что надо договариваться о том, что мы можем допускать, а что нет. А это, в свою очередь, зависит от культуры, в которой мы находимся. То, что может быть реализовано в одной культуре, может быть неприемлемо в другой культуре.

А. КОЗЫРЕВ: Давайте я спрошу Вас и радиослушателей: делает ли гуманитарное образование человека более гуманным? У нас есть звонки, давайте послушаем, что думают радиослушатели. Здравствуйте!

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый день! Ответ на Ваш вопрос – возможно, да. Но гуманитарная наука должна именно воспитывать человека, создавать его.*

А. КОЗЫРЕВ: А как воспитывать? Какие воспитательные меры может образование и наука применять к человеку?

СЛУШАТЕЛЬ: *Очень просто. Во-первых, идеалы, во-вторых, моральные ценности и хотя бы такие элементарные ценности, как честь, совесть, собственное достоинство.*

А. КОЗЫРЕВ: То есть, через чтение каких-то эталонных текстов?

СЛУШАТЕЛЬ: *Не только чтение, но и обсуждение их, доведение до каждого индивидуума сути этих произведений.*

А. КОЗЫРЕВ: Через пример учителя, да?

СЛУШАТЕЛЬ: *Хотя бы так.*

А. КОЗЫРЕВ: Большое спасибо. Сейчас есть такая идея, что философию можно изучать онлайн. Давайте мы всех преподавателей уволим, сделаем несколько онлайн-курсов, и в Благовещенске или в Урюпинске будут смотреть лекции эталонного Московского университета.

В. МИРОНОВ: Вы знаете, просто хочется кричать, потому что года два назад это в одном нашем южном регионе уже реализовали, когда в аудитории собирали тысячи человек, чтобы сократить количество преподавателей, читалась лекция, использовали аспирантов, которые делились по рядам, чтобы они более-менее следили за дисциплиной.

Это абсурд. Лекция – это не просто передача информации. Лекция – это общение глаза в глаза. Лекция – это когда я даю информацию, ориентируясь на то, как она воспринимается. Я говорил как-то, что, когда я делаю замечание тому, кто опаздывает на лекцию или пользуется мобильным телефоном, даже здесь содержится важная воспитательная функция.

А. КОЗЫРЕВ: Продолжают пользоваться мобильными на лекциях?

В. МИРОНОВ: У меня – нет. Я приучаю человека к тому, чтобы он адаптировался.

А. КОЗЫРЕВ: Они, видимо, смотрят лекции онлайн.

В. МИРОНОВ: Алексей Павлович, онлайн-лекции – это вообще абсурд, потому что это – говорящая голова. Она может быть только добавочным фактором.

А. КОЗЫРЕВ: Не будем забывать про наш вопрос: сделает ли гуманитарное образование человека более гуманным? Здравствуйте, Вы в прямом эфире.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер! По аналогии с Вашим определением гуманитарного я бы заострил внимание на определении образования, на этимологии. Корень «образования» – «образ». Значит, обучение должно быть направлено на то, чтобы*

формировать у учащихся образ мира. Образ мира я бы разделил на две части: образ материального мира и образ, скажем так, духовного, социального мира. Вы большой акцент сегодня делаете именно на социальной, гуманитарной стороне, правильно?

А. КОЗЫРЕВ: Да.

СЛУШАТЕЛЬ: *Так вот, отвечаю теперь на Ваш вопрос: может, нужно в этом образовании проводить не только теоретические, но и практические занятия по философии. Например, возьмем такое важное в социальной сфере понятие, как справедливость. Можно привести массу примеров того, когда справедливость соблюдается и не соблюдается. Что из этого следует, что происходит, когда несправедливость накапливается и переходит границы, критическую отметку, что нужно сделать, чтобы снять напряжение в обществе и чтобы эта несправедливость не накапливалась – это уже выходит на уровень обсуждения вопросов об устройстве власти.*

А. КОЗЫРЕВ: Спасибо большое! Я помню, когда у меня в школе учительнице по французскому языку приносили конфеты на день рождения, она открывала коробку и угощала всех ребят. Это был наглядный урок справедливости. То есть не в стол засунуть, а раз уж принесли, то угощайтесь.

В. МИРОНОВ: В этом вопросе прозвучал очень важный момент, который частично отсутствует и в школе, и даже у нас, – это практическая сторона философии. Здесь мы действительно упускаем этот момент. Есть же такой предмет, как этика, где мы должны проигрывать ситуации. Вспомним Альберта Швейцера, величайшего человека в этом плане и гуманиста, кстати говоря, и все его поступки: от всего отказывается, идет работать на-стройщиком органа.

А. КОЗЫРЕВ: Это было и в советское время. Я помню Януша Корчака со школьных времен.

В. МИРОНОВ: Да, мы учимся на примерах.

А. КОЗЫРЕВ: Давайте услышим еще один ответ от слушателя на поставленный вопрос. Здравствуйте!

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте! Мне кажется, может сделать, но при одном условии: если гуманитарное образование и на-*

ука будут опираться на соответствующую идеологию. А по-другому никак. Если преподаватель будет вступую объяснять, что человек должен быть хорошим или плохим, не приводя примеры из истории, как развивалась страна, по какому пути она шла и почему наш русский солдат не был таким зверем, каким был фашистский солдат, то из такого образования гуманизма никогда не получится.

А. КОЗЫРЕВ: А какую идеологию? Просвещенный патриотизм?

СЛУШАТЕЛЬ: *А такую, которую у нас в школе преподавали в советское время – идеологию добра. Только благодаря этой идеологии мы воспитали такое общество. А сейчас говорят, что идеологии нету, но на самом деле-то она внутри есть.*

А. КОЗЫРЕВ: Спасибо большое. Идеология добра – ключевое слово сегодняшней передачи.

В. МИРОНОВ: Действительно, очень хорошо сказали. Но мы должны вспомнить, что официальное определение идеологии в советское время было несколько иное.

А. КОЗЫРЕВ: Радиослушатель пишет: «Ницше был гуманистом, но не стеснялся заявить: “Падающего толкни”. В то же время сюсюканье не продуктивно».

В. МИРОНОВ: Ницше панически боялся крови. Если мы будем перебирать философские фигуры, то мы много можем говорить и про Платона, и про Хайдеггера. Кстати, Достоевский, которого мы упоминали, писал прекрасные, великие произведения, но как человек был очень сложный. Я своим девушкам на факультете говорю: «Не каждая из вас согласилась бы выйти замуж за такого человека, если б почитала хотя бы его переписку с супругой». Это другой вопрос.

А. КОЗЫРЕВ: Ему повезло, Анна Григорьевна все-таки была замечательная.

В. МИРОНОВ: Ему повезло, а вот ей...

А. КОЗЫРЕВ: Все-таки такая амбивалентная цитата: вроде слушатель и Ницше поддерживает, но говорит, что сюсюканье – непродуктивно. Гуманизм – это сюсюканье?

В. МИРОНОВ: Гуманизм – это не сюсюканье, а выработка ценностей и отстаивание их отнюдь не через сюсюканье, а как раз активное и жесткое.

А. КОЗЫРЕВ: Если Вы не возражаете, приму последний звонок. Здравствуйте, Вы в прямом эфире.

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте. Я считаю, что образование гуманности не учит ни в коем разе. Я в советское время преподавал как раз на гуманитарном факультете в Москве, и конформизм тех людей, которые, казалось бы, все учебники перечитали, не учил их сопротивляться внутренне.*

А. КОЗЫРЕВ: Вы имеете в виду сопротивление чему?

СЛУШАТЕЛЬ: *Конформизм перед научным начальством. Понимаете, такой страх выйти из обоймы.*

А. КОЗЫРЕВ: Спасибо!

В. МИРОНОВ: По-разному бывает. Есть протесты очень высокого уровня внутри любого сообщества, в том числе и в образовательном сообществе.

А. КОЗЫРЕВ: Это к вопросу о наших реформах, который мы обсуждали: готовы ли мы принять все, что нам спускают сверху, или у нас есть своя ценностная парадигма, которую мы будем отстаивать. У нас в гостях сегодня был Владимир Васильевич Миронов, человек, который стойко пытается отстаивать ценности гуманитарного образования. Я надеюсь, не последний раз в студии, спасибо Вам за эфир!

В. МИРОНОВ: Спасибо!

Русская служба новостей, 2016 г.

ПОГОНЯ ЗА ХИРШЕМ: КТО ОСТАЕТСЯ ЗА БОРТОМ ПРЕПОДАВАНИЯ

«Правмир» продолжает рассказывать о процессах, которые происходят в современном российском образовании. Зачем ученому называть десять строчек научной статьей? Почему интернет – это современный партком? Сколько студентов правильно напишут слово «апелляция»? Об особенностях реформирования высшей школы доцент РАНХиГС Ирина Дуденкова беседует с членом-корреспондентом РАН, деканом философского факультета МГУ, профессором Владимиром Мироновым.

– Сейчас много говорят о том, что реформы, которые продолжаются уже более двадцати лет, и более всего массовизация и коммерциализация высшего образования, радикально меняют формат общения между преподавателем и студентом. Что это, на ваш взгляд, значит и в чем проявляется?

– Это действительно так. Раньше преподаватель выступал по отношению к студенту скорее как наставник и в некоторых случаях видел в студенте или аспиранте напарника по научной проблематике. Это было сопряжено с обоюдным чувством доверия друг к другу. Даже в достаточно жесткое в идеологическом смысле советское время на факультете между, например, научным руководителем и студентом часто возникало особое смысловое пространство, в рамках которого обе стороны были очень откровенны и открыты.

Сегодня меняется тип взаимоотношений, преподаватель воспринимается как «продавец» на рынке образовательных

услуг. Ряд студентов и уж особенно родителей контрактных студентов чувствуют себя в рамках таких взаимоотношений весьма комфортно, пишут жалобы на факультет или преподавателя, мотивируя это тем, что какие-то образовательные услуги не были оказаны.

Я как декан, в ситуации отчисления контрактного студента, часто слышу от его родителей: «Мы привели к вам своего ребенка, оплатили обучение, а он не может сдать экзамен. То есть вы не выполняете договор по оказанию услуг». Получается, меня обвиняют в том, что я, как в магазине, обвесил покупателя. Хотя условия договора не предусматривают конкретную оценку. Но логика родителей – другая: мы платим хорошие деньги, значит, нам должны обеспечить качество. Если студент знает на «тройку», это вы, преподаватели, не смогли его обучить на «пятерку».

Преподаватели сегодня становятся осторожнее в коммуникации. Это парадокс. Да, раньше меня могли вызвать в партком и сделать замечания за какие-то «идеологически невыдержанные фразы». В этом, конечно, тоже не было ничего хорошего. Однако это ограничивалось пространством факультета, к тому же мы, молодые преподаватели, не очень обращали внимание на такие замечания. Главное, что внутри мира «студент-преподаватель» мы могли свободно говорить обо всем.

Сегодня в каком-то смысле функцию парткома стал выполнять интернет. Могут записать вашу фразу, вырвать ее из контекста, разместить в социальных сетях. Уже известны случаи, и, кстати, не только в нашей стране, настоящей травли преподавателей. Такое было в Германии, когда студенты обвиняли педагогов в излишне левацких или, напротив, правых взглядах. Такой виртуальный партком – очень удобное средство манипуляции, которое не прочь использовать чиновники от образования в качестве механизма давления.

Кстати, именно поэтому я противник трансляции защит диссертаций в интернете. В общественных науках диссертация может быть сопряжена с критическим отношением, например, к власти – это часть научного дискурса, в котором должны разбираться прежде всего сами ученые. Трансляция нарушает условия нормального научного диалога.

– А как-то еще влияет интернет на взаимоотношения преподавателей и студентов?

– Конечно, раньше преподаватель был, условно говоря, носителем той информации, которой не было у студента: либо знал, где ее найти, либо имел ее в своей голове. Сегодня же студент, умеющий находить нужные сведения в интернете, может превосходить педагога по имеющейся у него информации. В современных условиях преподаватель должен это учитывать и использовать новые возможности, не сводя свою деятельность к ретрансляции имеющихся у него знаний.

Но здесь есть одна опасность, особенно на ранних стадиях обучения, когда происходит формирование внутреннего мировоззренческого каркаса молодого человека. Например, ученик 1-2 класса заинтересовался Великой Отечественной войной. Зашел в интернет и нарвался на изложение событий Виктором Суворовым (автор книг «Аквариум», «Ледокол» и т. д.). Нет гарантии, что он на этом не прекратит свой поиск и война не останется в его голове в такой интерпретации.

Это касается любой информации, просто относительно истории это проявляется в наибольшей степени. Значит, педагог должен научить искать и сравнивать, выбирать более аргументированное изложение. В этом смысле единый учебник на фоне возможностей интернета не является гарантией восприятия истинных идей. Напротив, он будет стимулировать поиск альтернативных и не всегда верных точек зрения. Мы должны доверять учителям.

В вузе лектор тоже перестает быть носителем информации, и на первый план выходят яркость фигуры преподавателя, его взгляда, его лекций и семинаров. Педагог должен оставить за собой право мудрого наставничества. Но нас все больше толкают в массовость, не учитывая, что преподавательский труд уникален.

ЕГЭ нанес разрушительный и страшный удар по мотивированности студентов. У нас был случай, когда абитуриентка записалась на тридцать факультетов нашего университета – от мехмата до филологического. Какая здесь мотивированность,

кроме желания поступить хоть куда-нибудь? Потом сделали ограничение в пять факультетов, но это тоже странно. Неужели абитуриент не может выбрать конкретный факультет, на котором он мечтает учиться? Либо не мечтает, либо превалирует сам фактор поступления, хотя бы, например, чтобы не попасть в армию.

В связи с реформой понижается уровень школьного образования. Ребята в этом не виноваты, поскольку школа уже стала системой своеобразного натаскивания на сдачу ЕГЭ. Есть случаи, когда люди с высоким баллом по русскому языку оказываются неграмотными. У меня недавно студенты писали апелляции, и только в одном из пяти случаев слово «апелляция» было написано правильно.

Еще будучи проректором, я был серьезным противником Болонской системы, потому что массовизация образования у нас и в Европе – это разные вещи. Им нужно было решить проблему с нарастанием миграционных потоков молодых людей, «убрать с улицы», а для этого надежнее всего включить их в систему образования. Массовое образование выступало как форма социальной адаптации. В образовательный процесс включают всех, а дальше – перемелется: кто-то замуж выйдет, кто-то работать пойдет, кто-то будет дальше учиться. Такое высшее образование не может быть качественно однородным и вообще высококачественным.

– То есть все-таки из двух противоположных ориентиров, между которыми зажата современная высшая школа, массовизация и элитарность, большим злом Вы считаете массовизацию?

– Ни один престижный вуз ни в Германии, ни, допустим, в Англии не принимает по результатам экзамена типа ЕГЭ. К тестированию обязательно добавляется что-то еще. Вот Вам и ответ. Должны быть разные векторы реализации образования. Где-то и ЕГЭ достаточно, где-то можно, может быть, брать по росту или весу. Но должны быть университеты, которые сами определяют критерии поступления в них. Частично, но недостаточно, это ре-

ализуется в особом статусе Московского и Санкт-Петербургского университетов, но мы опять же связаны теми стандартами, которые даются государством. У крупнейших вузов, на мой взгляд, должна быть возможность от этих норм отходить. Как однажды хорошо сказал наш ректор В. А. Садовничий, если бы в советское время были жесткие стандарты по математике, то не было бы различия между московской и ленинградской научными математическими школами.

В нашем образовании введение бакалавриата и магистратуры порождает парадоксальные вещи. Допустим, бакалавр на нашем факультете получил диплом, и он думает: «А зачем мне быть магистром по той же специальности? У меня уже есть высшее образование». И он идет в другую магистратуру, а к нам приходит бакалавр с другого факультета. И получается, что человек, который не получил базового философского образования, но два года проучился у нас в магистратуре – а фактически меньше, поскольку в них включено написание диплома, – получит статус магистра философии.

– Удивительно.

– Массовизм, прагматизм толкает на начетничество. Я в свое время писал в министерство письмо, что это ущербная система. Уж если мы вводим бакалавриат и магистратуру, нужно, чтобы бакалавры обучались два года, и это был некий крупный блок общих дисциплин – естественнонаучный, гуманитарный и так далее. Прослушал человек эти предметы, определился и потом выбрал специальность. А дальше уже четыре года специализация на факультете. И бакалавриат в таком случае не считать высшим образованием – только предварительным.

– И что с тем письмом в министерство? Была какая-то реакция?

– Оно вроде даже было положительно принято, но, к сожалению, реформа пошла по иному направлению. И вместо того, чтобы строить образование по принципу сужения специализации, его сейчас развернули в обратную сторону. Бакалавр еще

получает более или менее специализированное образование по кафедрам. Этого очень трудно достигнуть, но нас здесь спасает то, что университет не пошел по пути закрытия факультетов и кафедр. Затем магистратура, которая уже не может иметь столько кафедральных специальностей, поэтому содержание образовательных стандартов фактически расширяется. И, наконец, аспирантура, которая раньше была нацелена на защиту диссертации (то есть выбор относительно узкой проблематики) и которая теперь превратилась в третий уровень образования и непосредственно с защитой диссертации не связана.

Аспиранты, по сути, стали пролонгированными студентами более старшего уровня. Это, конечно, абсурд. Раньше аспирант, уже имея статус специалиста, придя на кафедру, воспринимался нами как в какой-то степени коллега. Он посещал заседания кафедр, научные семинары, выступал рецензентом и т. д. А теперь он продолжает учиться.

– Как бы Вы охарактеризовали складывающуюся модель вузовского образования? Известно, что исторически отечественные университеты тяготели к концепции исследовательского университета Гумбольдта, то есть преподавателю необходимо успешно совмещать функции преподавателя и исследователя. Однако в условиях массовой высшей школы академическая нагрузка бывает просто колоссальной, при этом необходимо успевать заниматься наукой. Как Вы относитесь к разделению функций преподавателя и исследователя?

– Гумбольдтовская модель по сути инновационная, она базируется на высокой степени свободы университета – ученых и профессоров. Поэтому так важна автономия университета. Это не означает, что вуз оказывается вне государства. Именно в режиме автономии университет работает на науку и общество, является через образование частью культуры. Удивительный акт доверия государства – выделить деньги на образование и науку, но при этом дать возможность университету и сообществу преподавателей самим определять принципы своего устройства

и формировать научные и образовательные цели. Это риск, но пока ни в одной стране мира с такой моделью государство не проиграло. Университет – это еще и особая атмосфера творчества.

Я немного иронизирую, но понятно, о чем идет речь. Нам навязывается грантовая инновационная модель, которая очень напоминает известный принцип: «утром деньги – вечером стулья». Большая ошибка – переводить исследовательскую деятельность на гранты. Это форма дополнительного стимулирования труда ученого. А фундаментальная наука, безусловно, должна развиваться прежде всего через бюджетное финансирование. Конечно, есть специфические технологические задачи, на которые заказчик найдет иное финансирование, но это не главное в развитии фундаментальной науки.

– Но вернемся к преподавателям...

– Для преподавателей сегодня наступили непростые времена. Наши реформаторы увлеклись наукометрическими показателями, в том числе и по отношению к вузовским преподавателям. С одной стороны, нам все время напоминают о воспитательной функции, которая требует больших временных затрат. А с другой – основным критерием оценки работы становятся показатели, связанные с публикационной активностью.

Ситуация приобретает все более драматический характер. При этом, как это всегда бывает в реформах, идут ссылки на западный опыт. В свое время, когда вводили ЕГЭ, – ссылались на Запад, хотя мы указывали, что почти ни в одной стране мира нет приема только по результатам единого экзамена. Потом нас убеждали, что платное образование – это мировой тренд, хотя известно, что это далеко не так. В Германии два года назад две последние земли отказались от платного образования.

Наукометрия из средства, которое помогает ученому сориентироваться в растущем море литературы, становится главным критерием оценки научной деятельности. Фактически наукометрические показатели становятся средством принятия управленческих решений. Но наука и образование – достаточно

сложные системы, чтобы здесь делать выводы об эффективности работы на основании упрощенных критериев. Хотя понятно, что для «управляющего менеджера», которому все равно, чем управлять, напротив, более удобны для принятия решений простые критерии и механизмы. Я опять иронизирую, но если мне как декану в качестве критерия при выборе профессоров или доцентов предложат параметр их веса в пределах 65 кг, мне будет просто принимать решение. Здесь даже не нужен Ученый совет, а достаточно иметь хорошие весы.

Наукометрия и выступает во многом в качестве таких весов. Наукометрические результаты «взвешивают» количество публикаций, но не анализируют их качество. Кроме того, сама наука – весьма неоднородная система и разные науки анализируют весьма разнокачественные объекты. В частности, философия стоит на стыке между наукой и иными формами постижения бытия, а следовательно, в ней некоторые достижения имеют глубоко личностный характер, что не всегда может быть выражено в научной публикации. Это может быть, например, поэтическая форма выражения.

К сожалению, игра в наукометрию становится чуть ли не фундаментом реформирования науки и образования в нашей стране. В. А. Садовничий очень точно сказал, что деньги, потраченные на искусственное поднятие индексов цитирования, было бы гораздо эффективнее вложить в развитие российских научных журналов, в том числе и с целью продвижения русского языка. Сам по себе этот фактор цитируемости в ряде случаев важен, но он не должен быть доминирующим. А в рыночных условиях это порождает целую индустрию подготовки нужных публикаций, что по сути является имитацией научной деятельности.

Например, формально у меня достаточно хорошие наукометрические результаты – и Хирш нормальный (индекс Хирша – характеристика продуктивности ученого, основанная на количестве публикаций и цитирований этих публикаций. – *Прим. ред.*), и так далее. Но я понимаю, что частично это связано и с моим статусом руководителя, которого чаще публикуют

и т. д. Для молодого ученого иметь такие показатели тяжелее. Это медленный процесс накопления научных результатов и их публикаций. Гипотетично высокая цитируемость может быть, например, у плохой научной статьи, если ее много критикуют. То есть этот показатель весьма далек от объективной оценки.

И совсем плохо, когда наукометрические показатели становятся главным критерием при решении кадровых проблем, так как они не учитывают индивидуальных особенностей научной работы того или иного преподавателя. Кто-то пишет достаточно быстро и много, а для кого-то на статью может уйти целый год. У нас эти показатели становятся критерием переизбрания по конкурсу, при найме молодого специалиста.

И еще одна особенность, связанная со спецификой тех или иных наук. В естественных науках цитирование – это чаще всего ссылка на какое-то открытие или разработку проблем. А в гуманитарной сфере, где важна роль субъекта, особое значение приобретает даже форма изложения, ее личностное самовыражение, включающее в том числе и эмоциональное переживания бытия. Это не фиксация того, что было осуществлено в лаборатории, а результат погружения мыслителя в проблему.

Текст здесь строится совершенно иным образом, в него могут включаться озарения, украшения, воспоминания, ритмика, принципиальная игра слов, от которых представитель конкретной науки стремится избавиться. Поэтому для гуманитариев особую ценность приобретает перевод текста с языка одной культуры на другой. Это условие, как отмечал академик Д. С. Лихачев, диалога культур. Часто это перевод не только по горизонтали, то есть соседствующих во времени культур, но и по вертикали, когда культуры могут быть отдалены большим временным промежутком. Для гуманитария гораздо более важной является монография, как некий личностный взгляд на ту или иную проблему. В научной статье на первый план выходит новизна результата, а в монографии важным может оказаться просто новое прочтение даже старой проблемы.

То же самое можно сказать о призывах публиковаться преимущественно в западных журналах и на английском языке. В центре гуманитарных наук, уже по этимологии слова, находится Человек, в том числе и конкретный субъект с его чувствами и переживаниями. Человек – это всегда представитель конкретной культуры, связующим звеном которой является национальный язык. Отказ от языка, к чему нас призывают, может привести к глобальным последствиям и такой деформации культуры, которую восстановить уже будет нельзя. Можно тогда просто запретить использование русского языка, лучше с детства, что обеспечит через некоторое время лучшие показатели индекса цитирования и размещения статей в англоязычных журналах.

– И как выживать преподавателю в этих условиях?

– По-разному выживают. Допустим, Вы работаете над какой-то сложной темой, и у Вас получается хорошая статья, страниц на 30-40. Исходя из требований к количеству статей, вам лучше из большого текста сделать 2-3 размером поменьше. Будет расти число статей в соавторстве, что у гуманитариев значительно реже, чем у естественников. Тоже понятно, ибо засчитывается это всем соавторам. Можно «поиграть» с наукометрическими базами. Уже есть случаи, когда человек указывал в списке своих публикаций монографию, а потом каждую главу монографии именовал статьей. А кто-то пишет статьи для словарей, и каждый такой текст из десяти строчек указывает как отдельную публикацию. Конечно, важно сохранять научную порядочность, но именно количественные оценки подталкивают людей к такого рода манипуляциям.

– Достаточно много молодых преподавателей, на мой взгляд, как раз очень хорошо понимают, чего от них хотят, и сразу встраиваются в эти правила игры. Хорошо это или плохо – другой вопрос, но куда им деваться: жесткая конкуренция, необходимость признания коллег и так далее...

– Это очень плохо: мы себя, может быть, чуть-чуть испортим, но не совсем, а они себя изначально формируют по данным

правилам, и для них это скоро будет просто нормой, с которой бессмысленно бороться, как с правилами в шахматах, предписывающими коню ходить буквой «Г».

Когда я работал токарем на заводе, у меня был наставник, потрясающий и очень интеллигентный человек. Но у него был один существенный недостаток. Опытный мастер, он месячный план выполнял за неделю. А начальник цеха его уговаривал этого не делать, так как его эффективная работа приводила к понижению расценок за обрабатываемую деталь. А это ухудшало ситуацию для других рабочих. Поэтому, выполнив норму, он читал книги прямо у токарного станка, кроме того, у него было больше времени для обучения меня токарному делу.

Сейчас в нашем преподавательском цехе происходит нечто схожее. Если, например, я приму на кафедру доцента с очень высокими публикационными показателями, то у меня резко поднимется и средний общий показатель. Чтобы не увольнять остальных, я буду уговаривать пишущего доцента писать поменьше.

А ведь кто-то пишет одну статью в год, а кто-то пишет сто одну. Когда-то Василий Васильевич Соколов (советский и российский философ, заслуженный профессор МГУ. – *Прим. ред.*) на Ученом совете, обсуждая коллегу со множеством статей, высказал мысль: «А не наказывать ли нам за такое количество публикаций? Все это очень подозрительно, потому что не может быть качественных публикаций много». Думаю, что во многом он был прав.

У меня на факультете порядка 160 преподавателей и научных сотрудников. Даже если они будут писать по три статьи в год (а требования близки к этому), то даже при желании освоить такое количество публикаций будет тяжело. Представляете себе вал публикаций по стране в целом? Кому это нужно? Менее всего развитию науки. Это все имитации научной деятельности.

– Как, на Ваш взгляд, должна выглядеть сбалансированная модель, которая учитывала бы и нагрузку преподавателей, и их исследовательский потенциал?

– А эта модель уже существовала в нашей стране и в Советском Союзе, и, наверное, где-то до нулевых годов. Например, в МГУ всегда был своеобразный паритет количества профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников. Это условно, порядка 5 тыс. преподавателей и 4,5 тыс. научных сотрудников. Научные сотрудники прежде всего занимались научной деятельностью, но одновременно (опять же признак классического университета) имели право читать лекции.

Однако лекционная нагрузка не была для них обязательной. В свою очередь, преподавателей никто не лишал права заниматься наукой, но главным критерием оценки при переизбрании на должность выступала педагогическая нагрузка. И было много случаев, когда талантливый преподаватель мог иметь и не такое большое количество публикаций, как другие коллеги. Кому бы вы доверили обучение своего ребенка – талантливому преподавателю с небольшим количеством публикаций или ученому со множеством публикаций, но не очень хорошо читающему лекции? В идеале нужен баланс, но он редко достижим.

Кстати, была еще и такая форма, позволявшая профессору или доценту как бы «временно уйти» в науку для написания монографии или выполнения какой-то научной задачи. Они могли на один-два года перейти на имеющиеся на факультете ставки научных сотрудников для того, чтобы освободиться на это время от педагогической нагрузки. И это было гораздо эффективнее, чем сегодняшняя схема, которую нам пытаются навязать.

– Кем Вы сегодня себя ощущаете больше – администратором или преподавателем?

– Я все-таки считаю себя философом и ученым. Думаю, что мне удастся совмещать, хотя, конечно, времени физически не хватает: уже года три или четыре пытаюсь писать большую книгу, и она у меня «висит», откладываю ее.

Но по формальным признакам я – администратор. Раньше было как? У меня была ставка профессора, и к ней добавлялось 30% за то, что я был заведующим кафедрой. А сейчас основная ставка – декан. И все, не требуется ни чтения лекций, ни публикаций – административная должность. Другое дело, если я буду жить так, то дисквалифицируюсь как ученый, поэтому я читаю основной курс лекций, спецкурсы и так далее.

Пока еще у нас в университете атмосфера неприятия менеджеров от науки, если декан или заведующий кафедрой не будет заниматься наукой и преподаванием, его никто не будет ставить всерьез. Знаю, что в других вузах это совсем по-другому, особенно на уровне высшего руководства. Я вот почти семь лет проработал проректором по академической политике и во многом исполнять эту должность мне помогало то, что был одновременно деканом, заведующим кафедрой, читал лекции и т. д. Кстати, два проректора передо мной также были деканами и заведующими кафедрами.

– Вы один из немногих администраторов высшей школы, кто ведет свою страничку в Facebook...

– Да, так уж получилось, так как мне интересна трансформация современной культуры под влиянием новейших технологий, к которым, безусловно, относится и система коммуникации в интернете. Хотя это требует дополнительного времени и чревато даже скандалами или попытками воздействовать на меня с помощью той или иной информации в социальных сетях. Поэтому мне пока трудно ответить, полезно это для меня и для дела или нет.

– Каковы перспективы онлайн-образования? Является ли оно реальной альтернативой традиционной модели?

– На мой взгляд, это следствие тех явлений, которые потом отойдут. В США был эксперимент в одном из штатов: затратили очень большие деньги на онлайн-университет, а люди не стали записываться, потому что у людей есть еще тяга к живому общению. Онлайн-образование может быть лишь дополнительным фактором, прежде всего информационным.

Мне как лектору нужны глаза студентов. Вы не поверите, но я одновременно вижу все глаза и чувствую, что происходит со слушателями. Надеюсь, что это срабатывает и в обратную сторону. Ведь лекция – это во многом повторение материала по данной теме, и как раз корректировка такого материала часто осуществляется интуитивно под влиянием взглядов студентов и атмосферы на лекции. В этом творческом процессе я чувствую, как изменяется атмосфера в зависимости от того или иного года набора, в зависимости даже от того, как ситуация складывается в стране. Я вижу, как меняется интерес студентов к тем или иным проблемам, даже по тем авторам, которые у них популярны.

Онлайн-образование живую лекцию не заменит, особенно если преподаватель не сводит ее только к ретрансляции информации. Вот прогноз погоды для выяснения того, что мне завтра лучше надеть на улицу, вполне может быть осуществлен в онлайн-режиме.

– Мы уже говорили немного о молодых преподавателях, о том, в какие жесткие «правила игры» они изначально оказываются встроены. Видите ли Вы какие-то еще проблемы, связанные со сменой поколений?

– Самая серьезная проблема, наверное, в том, что в нашем вузовском образовании не налажена система ротации. Парадоксальная вещь: у меня со ставками профессоров ситуация гораздо лучше, чем со ставками ассистентов. На нашем факультете сейчас всего двенадцать ассистентов – это даже меньше, чем кафедр. Пирамида оказывается перевернута, поскольку ассистентов, наоборот, должно быть больше.

И что получается? Профессора уходят со своих ставок по возрасту, приходят молодые люди – ставок ассистентов для них нет, а взять их на профессорские я не могу, в том числе и по обсуждаемым выше проблемам. Есть и квартирный вопрос. Зарплаты невысокие, люди молодые, создают семьи – где и как жить? Установка «давать каждому по квартире» невыполнима.

На мой взгляд, здесь очень пригодился бы германский опыт: там выделяют так называемые субсидии на мобильность. Если человек поступает на работу в университет, государство оплачивает ему аренду квартиры. Это позволяет преподавателям не привязываться к месту и при необходимости перемещаться между городами. В молодости это, наверное, интересно.

– Как Вы оцениваете существующую сегодня систему преподавания философии в вузах?

– Как попытку ужать каким-то образом, иногда самым неудачным, университетский курс философии до одного года. В результате этого получается чушь, поэтому философию в вузах не все любят.

– И как с этим быть?

– Здесь логика простая: философия в вузе должна подстраиваться под личность. Можно перенести основное внимание на этику, на эстетику, на логику – в зависимости от того, что наиболее интересно читает преподаватель. И тогда, вполне вероятно, студенты будут лучше ходить на лекции и их усваивать. А уж если кто-то дальше захочет освоить больше или вообще заняться этим профессионально и стать философом – то пожалуйста. Это, конечно, не касается философского факультета – здесь другая система.

Но здесь возникает проблема: «У нас ведь стандарт...». Сегодняшние стандарты выстроены таким образом, как будто все университеты, кафедры и философы, в них работающие, представляют собой однородный материал. Это расчет на некое тотальное единство. Но тотальное единство не может быть эффективной формой преподавания, тем более философии. Тогда уж действительно надо написать один учебник по философии и читать его вслух и по нескольку раз. Есть другая форма единства – как единство разнообразного. Разные преподаватели, разные студенты, разные уровни подготовки. Это более эффективная система, поскольку она позволяет учитывать множество факторов. Допустим, у нас на факультете одна из сильнейших кафедр

логики, в другом университете такой может оказаться кафедра социальной философии, где-то более сильные преподаватели сконцентрировались в области антропологии. Университеты, и особенно ведущие, должны иметь право корректировать стандарты, и достаточно существенно, под тех ведущих специалистов, которые у них работают.

Я считаю, что стандарты вообще нужно отдать в университеты. По крайней мере, в ведущих пяти-десяти вузах их должны определять сами профессора. И, я думаю, определяют безошибочно.

– Хотелось бы поговорить немного о реформе ВАК. С сентября 2017 года все экспертные советы, а их около двухсот, будут закрыты. То есть ВАК автоматически закрывается?

– Это не совсем так. Дискутируется проблема закрытия ВАК как системы, но решений такого рода пока нет, и думаю, что до них еще далеко, ибо пока ВАК выполняет роль «чистильщика», может быть, не всегда удачно, но выполняет.

– Сейчас идет дискуссия о том, действительно ли только два вуза – Московский и Санкт-Петербургский университеты – достойны привилегии создавать собственные советы. Что Вы об этом думаете и по каким критериям, допустим, можно было бы расширить этот список?

– Конечно, если бы эту реформу начали осуществлять лет 20–25 назад, можно было бы предусмотреть какой-то период на утряску и действительно разрешить вузам открывать советы – но не всем, и за собой оставить формирование этих советов. Если же мы всем вузам сейчас разрешим, то должны быть готовы к тому, что будет огромное количество некачественных диссертаций.

Почему за рубежом одно время резко возник вопрос о признании наших дипломов? Потому что у нас из бывших техникумов стали делать университеты. И диплом Московского университета, и диплом Тьмутараканского университета, который

вчера был техникумом, по сути были одинаковыми дипломами государственного образца. Потом, правда, опомнились, и МГУ и СПбГУ имеют дипломы собственного образца, хотя и государственные, которые отражают их специфику. Примерно то же может произойти и с диссертациями. Но на самом деле и вариант разрешить всем вузам тоже возможен, просто тут надо просчитывать, какие риски и где будет больше плохого. Поэтому я бы рассматривал статус, разрешающий создавать советы в Москве и Санкт-Петербурге, как эксперимент.

– Я посмотрела состав недавно организованного объединенного совета по теологии – очень любопытный список. Но почему там нет ни одного богослова?

– В этой ситуации действительно есть ряд трудностей, хотя сразу скажу, что я, как и факультет, непосредственного участия в этом не принимал. Но когда еще вводили теологию в вузы, я действительно был противником этого решения и до сих пор считаю, что можно было без этого обойтись. Я тогда присутствовал на заседании Министерства образования, где принималось это решение, и выступал, в общем-то предсказав, что за этим последует: открытие аспирантуры соответствующего профиля, решение вопроса с защитами и т. д.

В данном случае я вовсе не противник теологии, да и какой философ будет выступать против теологии, которая всегда была близка к некоторым формам философии, а конкретные мыслители могли быть одновременно и философами, и теологами. Но для меня остается абсурдным понятие «светская теология», которое легло в основу и тех и нынешних решений.

Думаю, что во многом это было политическое решение. Такое в обществе тоже бывает. Но если уж решение принято, надо разбираться, и возникают даже чисто организационные проблемы. Прежде всего, проблема статуса теологии. Если она признана ВАК, то, по идее, мы утверждаем, что это отрасль науки. Тогда теология должна появиться и в Академии наук: должны быть членкоры, академики, секции. На самом деле, это требует перестройки вообще понимания самой Академии.

А дальше возникает целый ряд вопросов, поскольку у нас несколько основных мировых религий. В таком случае в объединенном совете должны присутствовать представители разных конфессий. Как они будут договариваться между собой? А в буддизме вообще нет теологии как таковой, им что делать? А есть еще люди, которые вне конфессий, и у них тоже есть определенные позиции. В этих условиях и создавался первый совет по теологии, в который входят представители разных университетов. Но даже здесь уже возникла проблема, и на одном из совещаний, которое проводил В. М. Филиппов, представители конфессий отмечали, что по сути созданный совет является православным. Как быть в этой ситуации? Создавать в разных регионах советы по конфессиональному принципу или все-таки формировать их из представителей разных конфессий?

– Но при этом там нет ни одного богослова, и мы как раз с этого начали. Так почему?

– Потому что Московская духовная академия с самого начала достаточно скептически относилась к открытию светского направления теологии, и это понятно. И у них с этим советом разные позиции: в МДА своя система защиты и нет, условно говоря, табели о рангах, при помощи которой можно было бы ориентироваться в этом всем.

– И какие пути выхода из ситуации Вы видите?

– Каким-то выходом, на мой взгляд, могло бы стать разрешение советам, которые близки к теологии – историкам, философам – принимать диссертации, которые тяготеют к теологии, и присваивать степени, чтобы набрать некий первоначальный состав этих теологов. Тогда из них уже можно будет формировать советы. Но все равно это будет сопряжено с трудностями.

– И в завершение хотелось бы узнать: что такое, на Ваш взгляд, профессиональный философ? В чем критерии его профессионализма?

– Это очень сложный вопрос, и в интервью я обычно говорю: мы гарантируем, что выпустим преподавателя, но не гарантируем, что выпустим философа.

Впрочем, сейчас в каком-то смысле стало намного проще. Наши бакалавры, с точки зрения государства, – это люди, которые должны преподавать в школе, где философии нет, а есть только обществознание. А поскольку часов будет не хватать, они будут еще преподавателями по физкультуре и так далее. Так что эта бакалаврская система, по большому счету, закрывает место философии в ее исконном значении – как некоего вопрошания, как чего-то, что стремится к мудрости. Более того, даже в стандарте гипотетические компетенции философа не прописаны.

– А если говорить о внутреннем представлении, безотносительно к системе образования...

– Философ, если уж говорить высоким стилем, – это человек, который занимается предельными проблемами бытия, выходящими за рамки конкретных реализаций этого бытия. Поэтому философ должен, с одной стороны, обладать большим объемом знаний, в том числе и конкретно-научных, а с другой – понимать, что знаний всегда будет не хватать, а ответы философ все же давать должен.

Эта ситуация была блестяще выражена Сократом в его фразе о том, что я знаю, что ничего не знаю. Этим он подчеркнул фактор того, что философия не может быть как наука определенным, а значит, относительно конечным (в рамках своего предмета) знанием, а представляет собой бесконечный процесс достижения мудрости, в условиях понимания, что достигнуть ее окончательно нельзя.

В философии очень важное значение имеет слово и текст. Сергей Аверинцев отмечал, что философия оттачивает смысл слов: она играет со словами внутри себя, превращая их в понятия. Поэтому задача философа – смотреть на мир, на людей, на

самого себя и задаваться вопросом: что он может сказать здесь, оперируя только своей головой? Это требует очень хорошей эрудиции, но и умения размышлять, и умения слушать других. Последнее – чрезвычайно важный компонент, который у многих отсутствует.

Философ не может замкнуться на себе и считать, как это зачастую происходит: «Чем меньше людей меня поймут, тем больше я философ». Если он разбирается в предмете, то должен даже о сложных вещах постараться сказать так, чтобы это было доходчиво для других. Нужно найти эту грань – не упрощения, а популяризации, нужно убедить людей в каких-то принципах, которые мы полагаем нужными. Вот такая непростая конструкция, и без гарантии, что это возможно всегда.

*Беседовала И. Дуденкова
Православие и мир, 2016 г.*

НАУЧНЫЕ СТЕПЕНИ ПОМИМО ВАКА – ПОВЫСИТСЯ ЛИ КАЧЕСТВО ДИССЕРТАЦИЙ?

С 1 сентября 2016 года Московский государственный университет (МГУ) и Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) смогут проводить аттестацию на присуждение степеней кандидата и доктора наук, минуя Высшую аттестационную комиссию (ВАК). Такой законопроект во втором, основном, чтении приняла Госдума РФ. Комментирует член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ, профессор Владимир Мионов.

То, что защиты диссертаций осуществляются в конкретных университетах и там же присваиваются ученые звания, – это принятая международная практика. Более того (знаю по опыту Германии), эти защиты могут несколько отличаться, в зависимости от традиций университетов. Поэтому сама идея проведения защиты в университетах является верной. Думаю, что это надо было сделать еще лет пятнадцать-двадцать назад, тогда мы сегодня, может быть, имели бы развитую систему подготовки диссертаций и могли бы оценить качество их подготовки и защиты в том или ином университете.

Но здесь необходимо сказать и доброе слово о ВАК, может быть, развеяв некоторые предрассудки, которые кочуют в СМИ от публикации к публикации. Наша страна и в советское время, а частично и сегодня, в том числе и в сфере управления наукой, выстроена достаточно иерархично. Университеты в основном являются государственными, а значит, система контроля иерархична и опирается на некую систему стандартов.

Более того, как раз в постперестроечное время (вспомните, мы прошли период, когда даже Государственная Дума выдвигала людей в РАН) функция контроля была необходима, ибо качество диссертаций было очень различным. ВАК фактически выполнял функцию чистильщика, и тем, кто не очень представляет себе эту деятельность, трудно вообразить количество работ, отклоняемых как раз из-за их качества. Особенно жестко это происходило в период, когда ВАК возглавлял академик М. П. Кирпичников, и происходит сегодня, когда его возглавляет В. М. Филиппов. Я сам более десяти лет возглавлял экспертный совет ВАК и тоже мог бы рассказать очень много об этом.

Другой предрассудок – что состав ВАК – это чиновники. Опять же это миф, который любят распространять журналисты. Члены экспертных советов и Президиума ВАК – это наши коллеги: преподаватели и ученые, которые на общественных началах проводят огромную и весьма непростую работу. Кстати, и формирование экспертных советов, по крайней мере, последние лет десять-пятнадцать, осуществлялось достаточно демократично.

Сегодня, когда приостановлен поток массового производства диссертаций (в том числе благодаря усилиям ВАК), самое время вернуться к идее защиты по университетам. Думаю (хотя об этом можно спорить), что, наверное, правильно, что это право дается двум университетам. Надеюсь, что это именно эксперимент, который будет оценен прежде всего научным сообществом и распространен на другие университеты, и, насколько мне известно, это лишь первый шаг.

Но, опять же, учитывая специфику различного рода реформ в нашей стране, необходимо понимать, что дьяволы прячутся в деталях. Поэтому можно ожидать и некоторые минусы такого преобразования, о которых мне хотелось бы сказать.

Прежде всего не очень понятны (точнее, плохо озвучены) цели такого изменения и механизмы реализации. Если это просто передача полномочий другим агентам, то это не реформа и ничего нового не произойдет, а лишь увеличится нагрузка на профессорский и научный состав данных университетов. Должна произойти не просто передача функций, а полное измене-

ние подхода, когда каждый из университетов должен выработать собственные высокие требования к защите диссертаций. И надо понять, что если это будет так, то часть диссертантов скорее будут отказываться защищаться в университетах, предпочитая традиционную систему.

Другая проблема касается двух университетов. По положению дается переходный год, когда в данных университетах будут и работать старые советы, и формироваться новые. Через год советы, которые были сформированы на базе университетов, будут закрыты. Возникает проблема: будет ли количество новых советов охватывать все специальности, которые были охвачены ими в старом варианте. Как это определить? Не пойти ли здесь по пути большей интеграции специальностей, что столкнется с проблемой ВАКовского ограничения числа специальностей в одном совете.

Сюда же примыкает еще одна проблема. Сегодня на базе МГУ и СПбГУ функционирует огромное количество советов, в которых основными экспертами (по положению) выступают кадровые сотрудники этих университетов. Понятно, что в случае реорганизации они окажутся в составе новых советов, а, учитывая, что есть ограничения по возможности участия в работе нескольких советов, это означает, что огромное число сильных экспертов окажутся вне ВАК. Это может привести уже к понижению качества диссертаций, проходящих через ВАК. А когда в этот список будут входить другие, опять же наиболее сильные университеты, количество экспертов будет уменьшаться.

По-видимому, выход один. Если эксперимент будет признан положительным, то именно в этот момент нужно отказываться от ВАКовской централизованной системы защит, формируя механизм и критерии открытия советов в других университетах

Сейчас в виде эксперимента речь идет о двух вузах, в следующем году добавится, допустим, еще пять или шесть. И вот таким образом постепенно произойдет отказ от системы ВАК как таковой.

Еще одна проблема – это критерии. Многие думают, что защита диссертации в МГУ или в СПбГУ станет легче. На самом

деле все как раз наоборот, потому что требования вуза должны быть не ниже, чем основные. Значит, вернее всего, требования к диссертациям повысятся: может быть, по количеству статей, может быть, по каким-то иным параметрам.

И надо иметь в виду, что принципы самой процедуры защиты в Петербурге уже сегодня значительно отличаются от стандартных. В Питере – это своеобразные «летучие» диссертационные советы, собираемые под конкретную защиту. Мне лично эта система не нравится.

В МГУ, насколько мне представляется, будет жесткая система со своеобразным утверждением диссертаций, защищенная в советах, на уровне некоего общего совета по группам специальностей. Это очень интересно, когда, например, диссертацию по философии будут утверждать в некоем гуманитарном совете, в который войдут историки, филологи и т. д. Это способствует интеграции науки и позволяет в большей степени формировать общее смысловое научное пространство.

Таким образом, решение принято, надо смотреть, как оно будет реализовываться.

Православие и мир, 2016 г.

ЭТО НЕ ПРОСТО РАБОТА ЗА БОГА...

Проблемы, связанные с созданием искусственного интеллекта, обсуждаются в науке не одно десятилетие. Им была посвящена и большая конференция, состоявшаяся недавно в МГУ имени М. В. Ломоносова. Площадкой для нее стал философский факультет Московского университета, который пригласил на конференцию математиков, нейробиологов, психологов, экономистов, нейролингвистов, исследователей в области компьютерных технологий, и все-таки больше всего докладов представили философы. Почему? По просьбе газеты на вопросы отвечает декан философского факультета МГУ, член-корреспондент РАН Владимир Миронов.

– Владимир Васильевич, акцент заложен уже в названии конференции – «Философия искусственного интеллекта», но ведь такая постановка вопроса неслучайна...

– Конечно. Философия не является, как это часто думают, только гуманитарной дисциплиной. Она опирается на самые различные способы постижения бытия от его рационально-теоретического освоения до форм, например, поэтического и эстетического восприятия. Именно это придавало ей своеобразный статус царицы наук, вбирающей в себя многие дисциплины. При создании Московского университета было всего три факультета, и такие науки, как математика, физика, геология, биология, входили в область именно философии. Философ рассматривает мир в целом, тогда как любой ученый надевает предметные очки, в определенной степени огрубляет мир. Скажем, физику или механику достаточно понимать человека как совокупность рычагов, и не стоит философствовать, если требуется создать, например,

какое-либо приспособление. В науке всегда есть предметная определенность, а за философией остаются проблемы, касающиеся бытия в целом, и те, которые по той или иной причине пока не вошли в предмет данной науки. Это, кстати, обусловило традицию, которая по сей день сохраняется во многих университетах Германии: какой бы теме ни была посвящена дискуссия, в качестве модераторов часто приглашаются философы.

– Даже когда речь идет не о гуманитарных науках?

– Как мы отметили, философия не гуманитарная наука, как история, например, или филология. У философии особое место – так же, как у математики, которая в свою очередь не является естественной наукой.

– И ведь ее тоже называют царицей наук.

– Совершенно верно! Мой коллега, декан факультета фундаментальной медицины МГУ, академик Всеволод Ткачук любит повторять, что философия и математика – одно и то же, только первая оперирует словами, а вторая – значками. В этой шутке изрядная доля истины, недаром кафедра логики в Московском университете создана только двумя факультетами – механико-математическим и философским. Философия, как и математика, рассматривает любую проблему гораздо шире, чем это допускается предметными рамками, заостряет ее, ищет закономерности, подводные течения, неожиданные повороты, делает предположения и выводы. Вот почему так важно, чтобы вопросы создания искусственного интеллекта обсуждали философы, их взгляд на проблему позволяет увидеть ее подчас с самой неожиданной стороны, подчеркнуть неоднозначность тех или иных подходов к решению задач, выпятить наиболее острые углы, вывести дискуссию на принципиально новый уровень.

– Все эти вопросы активно поднимались в 1960 – 1970-е годы, почему к ним вновь приковано внимание?

– Здесь несколько причин. Во-первых, сегодня человечество достигло той фазы развития науки и технологий, когда, как

считают многие ученые, появление искусственного интеллекта начинает приобретать вполне зримые очертания, это уже не область научной фантастики, а весьма актуальная проблема. Во-вторых, в наши дни она рассматривается на ином уровне, в новом качестве, в гораздо большей степени сопряжена с изучением человеческого мозга, что в свою очередь выдвигает целый ряд вопросов, в том числе этических, философских, которые не могли рассматриваться в предыдущие десятилетия. Наконец, есть еще аспект, который не могу не упомянуть, когда мы говорим о нашей стране. Философия науки требует развития, поскольку сегодня, к сожалению, она находится совсем не на таком высоком уровне, как в 1960 – 1970-е годы.

– Но ведь это парадокс!

– Только на первый взгляд. При всех железобетонных идеологических установках философия науки в СССР отвечала лучшим мировым образцам того времени. Посмотрите эти работы, вы найдете очень глубокие, очень яркие разработки, которые и сегодня дают философам большую пищу для размышлений. Объяснение простое: стремление уйти от идеологии, оставаясь в рамках философии, заставляло многих талантливых ученых обращаться к науке, и это позволяло им заниматься интересными исследованиями в области философии науки. Казалось бы, исчезновение идеологических рамок могло лишь способствовать развитию философии науки, но этого не случилось. И здесь опять нет парадокса, потому что свобода – она ведь внутри нас, а многие люди как видели философию идеологической дисциплиной, так и продолжают это делать, и это постепенно привело к тому, что ее часто стали трактовать исключительно как гуманитарную область знаний. Что, как мы уже отметили, совсем не так. В результате мы потеряли огромный пласт исследований, связанных с философией науки.

Этому в немалой степени способствовала и реформа образования, изменившая мотивацию абитуриентов. К нам все чаще стали приходиться вчерашние школьники, которые не в ладах с математикой, физикой, биологией, их родители, видимо, счита-

ют, что на философском факультете детям самое место. Но уже на втором курсе студенты сталкиваются с тем, что надо изучать основы тех самых наук, с которыми они не хотели иметь дело, но выбор уже сделан, исправить что-либо поздно. Таким студентам, согласитесь, трудно заниматься философскими проблемами физики или биологии. Отсюда нередко перекосы в статьях и книгах, которые позиционируются как философская литература. И особенно плохо с учебниками!

Это просто беда, когда авторы учебников, не задумываясь, пишут: «Как доказала современная физика, Вселенная бесконечна», не имея ни малейшего представления о бесконечности, о том, как физики рассматривают эту проблему, сколько сложнейших вопросов стоит за этим понятием... Как раз незнание приводит к тому, что научный текст подменяется потоком слов, за которыми, бывает, невозможно угадать смысл: фразы выстроены с таким количеством совершенно не нужных в данном случае терминов, что в них можно утонуть. Но ведь это не философия. Я часто напоминаю студентам слова Гегеля о том, что философия делает ясным то, что было смутным в мифе. Ее задача – не усложнять, а прояснять, говорить просто о самых сложных проблемах.

– К их числу Вы относите и создание искусственного интеллекта?

– Это, безусловно, одна из самых сложных проблем, с которыми скоро столкнется и уже сталкивается человечество. Когда мы говорим об искусственном интеллекте, это ведь не просто работа за Бога, которая открывается нам с новыми технологиями, мы должны очень хорошо понимать, с какой реальностью собираемся иметь дело. Здесь на первый план выходят прежде всего метафизические вопросы, потому что человек по сути является определенным слоем бытия. Большой резонанс в свое время получила статья знаменитого отечественного астрофизика Иосифа Шкловского, в которой говорилось как раз об этом: мы уникальны, потому что мы представляем собой слой бытия, человеческий разум – это слой бытия, и если мы себя уничто-

жим ядерным взрывом или иным способом, то уничтожим этот слой бытия.

Если мы сегодня дошли до такого уровня развития, когда обсуждаем перспективы создания искусственного интеллекта, должны четко понимать: тем самым конструируем новый слой бытия. Это не просто мыслящая голова профессора Дуэля, которая будет выполнять мыслительные операции. По сути, это означает конструкцию еще одного слоя бытия. За этим может последовать и смена ценностных парадигм, которые связаны с сущностью человека только как социобиологического существа. Например, может трансформироваться проблема жизни и смерти и неизбежности смерти человека, что определяет во многом всю систему человеческих ценностей. А за этим последует смена мировоззренческих установок индивида. Кому же обсуждать эти проблемы, как не философам?

– Получается, если вернуться к мысли Шкловского, человек может сделать свой слой бытия неуничтожаемым?

– Или, напротив, ускорить его уничтожение. Наука – такая область деятельности, которая нуждается в постоянной гуманитарной экспертизе. Известно высказывание Роберта Оппенгеймера после бомбежки Хиросимы: «Мы сделали работу за дьявола». Надо понимать, знаменитый физик сожалел об этом. Но ведь, работая над атомной бомбой, он не мог не понимать, к чему приведет этот труд. Так и со многими современными направлениями исследований: они требуют философского анализа. Это касается не только создания искусственного интеллекта, но и, например, вмешательства науки на геномном уровне. Конечно, развитие науки невозможно остановить, но надо понимать, какие должны быть барьеры, не позволяющие, скажем, искусственному интеллекту выйти из-под контроля.

Это серьезный вопрос. И, кстати, не новый, он встал перед человечеством уже тогда, когда после античной Греции оно выбрало технологический путь развития, а этот путь связан с освоением ресурсов, потреблением, уничтожением, присвоением.

У Циолковского есть прекрасный образ: Земля – это колыбель человечества. А это означает, что, пока мы в колыбели, мы от нее зависим. Далеко не всем приходит в голову, что Земля – материальное тело, которое образовалось, существует и исчезнет. Создание надбытийных форм, таких, например, как искусственный интеллект, искусственный разум, могут помочь человеку в преодолении его конечности, в преодолении заданности человеческого существования.

Конечность материального тела задана! Если мы ничего не будем делать, то когда-нибудь исчезнем вместе с Землей. Но, не исключено, мы способны решить эту задачу, и, возможно, в этом нам поможет как раз создание искусственного интеллекта. Вместе с тем надо видеть и опасности на этом пути, потому что, к сожалению, мир неоднороден, всегда найдутся люди и структуры, которые захотят использовать достижения науки для собственных целей, для манипуляций в своих интересах. Значит, надо думать не только о развитии науки, но и о том, чем это может обернуться для человечества и как контролировать потенциальные угрозы. В том числе те, что связаны с искусственным интеллектом.

– Вы говорили на конференции, что мы уже сталкиваемся с подобными проблемами, погружаясь в мир электронной культуры. Что имеется в виду?

– Как бы ни понимать сегодня искусственный интеллект, за ним или перед ним идет целый пласт научных проблем и последствий, которые самым существенным образом влияют на нашу культуру. Вот это сегодня огромная проблема, быть может, не вполне еще осознаваемая нами. Дело в том, что электронная культура создает особый мир, в котором стираются грани между реальностью и иллюзией, и это в корне меняет наше отношение к действительности. Представьте себе, например, самую примитивную компьютерную игру – обычную «стрелялку», где принцип простой: появляется враг – в него надо немедленно выстрелить, что фактически стимулирует развитие навыка быстрой ответной реакции. Как-то после такой игры я вышел

из дома, увидел в небе вертолет и вдруг поймал себя на том, что рука невольно потянулась в карман за «оружием» – выстрелить в цель. Казалось бы, ну и что тут такого? Элементарная автоматическая реакция... В том-то и дело, что она автоматическая: в реальной жизни человек продолжает действовать так, словно он в компьютерной игре.

Как воевали, скажем, в Средние века? Надо было принимать бой в полном облачении, поднять тяжелый меч, обрушить его на противника, снести ему голову, покрыться самому хлынувшей кровью врага. Это непростое испытание – и физически, и морально. А вот потенциальная ситуация из наших дней: военный сидит в кресле у пульта управления, перед ним на экране появляется цель, и он нажимает кнопку, приводя тем самым в действие орудие убийства. Результат можно и не увидеть, а можно и не представлять, что сбрасываешь реальную бомбу, ведь действия по существу мало отличаются от тех, какие совершаются при компьютерной игре. Более того, человек может считать, что участвует в игре, тогда как убийство будет происходить на самом деле, и он об этом не узнает. Скажете, ситуация гипотетическая? Ничуть. Привычка совершать определенные действия на экране компьютера позволяет легко перешагнуть грань между виртуальным миром и реальностью. Игра переходит в реальность, реальность становится игрой, имитация подстраивается под действительность, действительность представляется имитацией, и человеку гораздо проще убивать, потому что в подсознании роится мысль: я сейчас выстрелю, а в следующей игре он опять живой. У человека с пультом возникают коммуникативно-психологические проблемы, не говоря уже о том, что здесь большое поле для манипуляций.

– Но Вы видите проблему не только в компьютерных играх, не так ли?

– Я всего лишь привел наглядный пример. Но, конечно, проблема сложнее. Электронная культура сама по себе меняет наше сознание. В традиционной культуре система ценностей менялась очень медленно, человек формировался и развивался

в этой культуре эволюционно. Отец или учитель были для него носителями информации, опыта, который передавали последующим поколениям. В наши дни эта функция кардинально изменилась: старшее поколение перестало восприниматься как носитель информации, информация сегодня легко добывается, но легко и ускользает. Культура бомбардируется новыми претензиями на ценность, которые человек элементарно не успевает осмыслить. Происходит общение без насыщения смыслами.

В определенном смысле электронная культура возвращает человека к дописьменному, устному периоду развития, когда сознание оперировало лишь визуальными образами, только сегодня они создаются на новейшей технологической основе. Особенность такой культуры в том, что смыслы возникают в результате прямого восприятия, который может достаточно далеко отстоять от сознательной, рациональной деятельности человека. Мы настолько привязываемся к техническим средствам, что уже не можем ездить на машине без навигатора, чувствуем дискомфорт, если забыли дома телефон, а в результате теряем, может быть, самое главное – свободное время, которое заполняется бесконечным информативным потоком. Мы не влияем на него, его отбирают за нас поисковые системы, новостные ленты, блогеры, в результате мы часто становимся объектами безудержной манипуляции.

Конечно, электронная культура делает нашу жизнь более комфортной! Но одновременно и более опасной. Потому что от комфорта трудно отказаться, даже если он превращается в свою противоположность. Таким образом, человек ставит себя в зависимость от технологий, и здесь любой сбой может оказаться очень болезненным. Вспомним хотя бы 1998 год, когда тысячи людей оказались без денег с бездействующими банковскими терминалами и бесполезными пластиковыми карточками. Или представим ситуацию с полным отключением электричества в мегаполисе... И ведь такой сбой можно организовать преднамеренно. Вот почему так важно помнить о гуманитарной экспертизе, когда речь о новых прорывах науки, в том числе о создании искусственного интеллекта.

Владимир Васильевич Миронов

– Философия может дать ответы на все эти сложнейшие вопросы?

– Если нужны готовые ответы, тогда – к оракулу. А задача философии – задаваться вопросами, вопрошать, размышлять и, возможно, предупреждать: ребята, все может пойти совсем не так, как это вам сегодня представляется...

*Беседовала В. Егикова
Московская правда, 2016 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Честный разговор об итогах реформы образования	3
Декан МГУ назвал <i>Facebook</i> тоталитаризмом нового типа	33
Факультет бунтарей	50
Быть или не быть войне? Декан философского факультета МГУ о мировой политике....	61
Идеологию нельзя навязать, она должна вызреть в обществе	81
Погоня за Хиршем: кто остается за бортом преподавания ...	100
Научные степени помимо ВАКа – повысится ли качество диссертаций?.....	120
Это не просто работа за Бога.....	124

Владимир Васильевич Миронов

ФАКУЛЬТЕТ НЕСЛУЧАЙНЫХ ЛЮДЕЙ

В работе над книгой принимала участие *З. Гусейнова*

Редактор *Е. Гурова*

Оформление обложки *А. Баланцевой*

Дизайн и компьютерная верстка *Е. Сиротиной*

Подписано в печать 16.02.2017. Формат 60x84/16.
Гарнитура «OfficinaSansC». Объем 7,79 усл. печ. л.

Отпечатано в типографии факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова